Дмитрий Казаков

Я, маг!

Трилогия в одном томе

- Я, маг!
- Истребитель магов
- Маг без магии

Дмитрий Львович Казаков

Я, маг!

Серия «Я, Маг!», книга 1

OCR BiblioNet
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119232
Я, маг!: Армада, Альфа-книга; М.; 2002
ISBN 5-93556-155-7

Аннотация

Герой романа далек от того, чтобы спасать мир от нашествия Мирового Зла или Великой Тьмы. Он спасает всего лишь себя, и для того, чтобы сохранить в себе человека, он вынужден отказаться почти от всего, что почитал по-настоящему своим.

Младший ребенок в семье, он видел перед собой одну дорогу, привычный жизненный путь родовитого – войны, пиры, охоты, свары с соседями. Но увлекаемый жаждой знаний, юноша сбежал из родного замка, решив посвятить себя изучению магии.

Вопреки ожиданиям, все маги, к которым смог добраться молодой человек, отказались иметь с ним дело, а один даже попытался его убить. Полный гнева и обиды, юноша поклялся самостоятельно добиться магического могущества и отомстить...

Содержание

ЧАСТЬ I 4
Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 26
Глава 4 37
Глава 5 47
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Дмитрий КАЗАКОВ
Я, МАГ!

Нет, в нем сверкал иной, зловещий свет,
Как факел он горел на мрачном пире:
Где есть печаль где стон, там правды нет,
Хотя бы красота дышала в мире.
«Ответа – сердцу, сердцу моему!» -
Молил он, задыхаясь от страданья,
И демоны являлися к нему,
Чтоб говорить о тайнах мирозданья.
Он проклял мир и, вечно одинок,
Замкнул в душе глубокие печали,
Но в песнях он их выразить не мог,
Хоть песни победительно звучали

К. Бальмонт

ЧАСТЬ I

Глава 1

Магия – наука и искусство вызывать изменения
В соответствии с волей.

Алистер Кроули

Ветер, налетевший из-за спины, был холоден. Свистящий вихрь примчался с севера, неся дыхание осени, запахи холодных дождей и ледяных скал. Простирающиеся на юг леса были еще изумрудно-зелеными, а небо над ними – легкомысленно-голубым, словно в разгар лета, но потоки воздуха, спускающиеся с гор, шептали о скором приходе осени, хозяйки в желтом плаще. Пройдет дней десять, и она распишет леса алыми и золотыми красками, а когда забава ей надоест, сорвет с деревьев последнюю одежду, оставив их бесстыдно голыми.

Харальд вздохнул и повернулся лицом к северу. Тут хмурыми исполинами в белоснежных шапках синеют горы. Именно там, на вершинах, и рождаются свирепые ветра, несущие осень. Через эти горы еще предстоит пройти.

От размышлений отвлек крик, донесшийся со стороны лагеря. Похоже, зовут к ужину Харальд слегка втянул воздух; так и есть, пахнет подгоревшей кашей.

У костра собрались все, кого Харальд убедил в свое время отправиться в сумасшедший поход на север; кого уговорил, а некоторых нанял. Всего пятеро. Все опытные воины и путешественники. В светлое время охрану выставлять не стали; те опасности, что водятся здесь, незаметно не подкрадываются.

Харальда хлопнули по плечу, молчаливый Асир подвинулся, освобождая место на бревне. Едва предводитель сел, пять ложек метнулись к котелку.

Когда утолили голод, начались разговоры. Каждому – было что вспомнить. Один рассказывал о службе у кого-то из магов, другой – о битвах со степняками, Гуннар, как всегда, похвалялся любовными победами. А Харальд сидел и молчал, глядя в костер. Оранжевые

языки прихотливо изгибались, запах дыма лез в ноздри, точно так же, как когда-то дома, в родном замке...

Замок весь пропах дымом. И не бесконечные осады и пламя военных пожаров тому причиной, как хотелось бы думать, а всего лишь старые, плохо чищенные дымоходы. Да и замком кучу развалин, в которой жить можно только с большим трудом, называют лишь хозяева. Холопы же, равно как и соседи (да отвалятся их горделивые носы!), предпочитают пользоваться куда более понятными и простыми, зато менее звучными названиями.

Харальд тяжко вздохнул. Он, пожалуй, единственный, кто в замке не помешан на родовой чести. Называть вещи своими именами в присутствии братьев или отца – это кончается плохо. Хорошо, если дело обойдется лишь криками. Не повезет – схлопочешь затрещину Тяжко быть правдолюбцем в шестнадцать лет!

Юноша еще раз вздохнул и выглянул в окно. За коричневым шрамом наполовину заросшего рва тянется зеленая борода леса. Около замка надо бы его вырубить, да некому, давно обеднел род Тризов. Но чем меньше золота в подвалах, тем выше здесь задираются носы – эту истину младший сын нынешнего хозяина замка, Харальд фон Триз, узнал на собственном опыте, и узнал давно. Лес тянется на запад, где всего в пятидесяти верстах кончаются земли, затронутые цивилизацией. Дальше – непроходимые чащобы, где обитают косматые дикари, которые носят одежду из шкур.

За окном шел дождь. Капли роями летели из брюхастых сизых туч, стекали по потрескавшимся серым стенам, проникая в расселины, насыщая воздух в замке влагой. Дождь мешал любимой забаве – охоте, и из главного зала до комнаты Харальда доносились пьяные вопли пирующих родичей. И ему положено быть там, лакать крепкое пиво, поглощать плохо прожаренное мясо, вдыхать смрад факелов и орать воинственные песни. За то, что его нет сейчас за столом, младший в роду позже получит преизрядную выволочку.

Он вздохнул в третий раз. Наказания не боялся – не впервой. Юноша давно понял, что он не такой, как все, и что именно эта чужеродность и есть истинная причина враждебности родичей. Она, и ничто иное. Ее терпели до тех пор, пока младший в семье прилежно овладевал воинской наукой. Но для ратных упражнений сегодня слишком сыро.

Харальд решительно отошел от подоконника, прислушался. В слитном реве удалось разобрать отдельные слова:

Бряцанье доспехов, страх и кровь врага!
Воспрянь, Кабан, на бой!

Так и есть, запели родовую. Кабан красуется на гербе, и не просто дикая свинья, а свирепый вепрь. Всюду в замке скалятся кабаньи морды, подслеповато щурятся с облезлых гобеленов, торчат из стен, воинственно выставив клыки. Харальд родовой символ терпеть не мог. Тот отвечал молодому Тризу полной взаимностью.

Тихо ступая, Харальд спустился по лестнице, миновал зал, поморщившись от донесшихся резких запахов, повернул в узкий коридорчик и оказался у двери, что стыдливо спряталась в темном тупичке. Ключ от замка есть только у юноши, да еще – у старого слуги, который вечно забывает здесь прибраться.

Тихо проскрежетал замок. Дверь тяжелая, словно каменная. Ее массивное гладкое тело неохотно поддается пальцам. Но вот Харальд переступил порог. Тишина, только царапается за окном дождь. Запах пыли, особой, книжной!

Полки до потолка, словно огромные зубастые челюсти. Библиотека. Ее собирали в те времена, когда Тризы были богаты и слава о них гремела от Северных гор до Южного моря. Но где те славные времена?

Теперь о библиотеке не помнит никто. Кроме Харальда.

Пока удалось развести огонь в жаровне, юноша весь перепачкался. Конечно, рядом с книгами это опасно, но без обогрева слишком холодно. Наконец пламя разгорелось, и Харальд присел на корточки, протянув к огню замерзшие руки.

Пока лазил по полкам, искал нужный том, изрядно устал. Старая лестница скрипела под ногами, едкая пыль лезла в ноздри. Но зато какое наслаждение испытал, взяв в руки старинную книгу, ощутив гладкую, чуть теплую кожу переплета.

К огню Харальд вернулся, зажав под мышкой толстенный черный том. Отблески камина играли на обложке, словно на темном камне. Посреди нее сверкала серебром изрядно потускневшая, но различимая надпись «О магии». Младшего в роду Тризов давно тянуло к потаенному знанию, но книгу отважился взять только сегодня.

С бьющимся сердцем перевернул первую страницу. И тут же забыл обо всем на свете. Погрузился в архаичный, перегруженный не до конца понятными словами текст, в рисунки, столь тщательно прорисованные, сколь и отвратительные, канул в море нового знания, странного и терпкого на вкус...

Харальд не услышал, как открылась дверь. Он читал описание ритуала Обретения Силы, когда боль хищным зверем вцепилась в ухо.

– Ай! – только и смог сказать, а в ответ услышал гневный рев.

– Книжки читаешь? – Отец, державший юношу за ухо, хорошенько дернул, чтобы молодой Триз как следует осознал тяжесть проступка, и попросту потащил того из кресла. – Я тебе покажу – книжки!

Книга вывалилась из ослабевших пальцев и с глухим стуком упала на ковер. Запах пива и чеснока, исходящий от отца, оглушал. Боль в ухе казалась нестерпимой, и пламя в жаровне сделалось багровым...

Пламя в костре сделалось багровым, и Харальда окликнули.

– Что, старшой, задремал? – ухмыляясь, спросил Хегни, первый балагур маленького отряда.

– Нет, думаю, – ответил Харальд.

– Да? – блеснули во тьме зубы Хегни. – Не может быть. Слышь, парни, он думает!

Взрыв хохота заставил костер зашипеть.

Пока Харальд предавался воспоминаниям, над миром воцарилась ночь. Ее черный плащ, расшитый жемчугами звезд, покрыл почти весь небосвод, лишь на самом западном горизонте робко мерцала розовая полоса, напоминая об умершем дне.

Но спать, судя по всему, пока никому не хотелось. Дневной переход был не столь труден.

– Слышь, Харальд, а зачем мы туда идем? – спросил Иаред, самый старший из путников. – В населенных землях ты боялся говорить, но здесь-то нас никто не подслушает?

– Ты ошибаешься. – Харальд поднял голову, и узкие голубые глаза его блеснули в свете костра багровым пламенем. – Мир полон невидимых существ, и многие из них служат магам, а я не хочу, чтобы маги узнали о цели похода.

– Разве могут нам помешать какие-то маги? – пренебрежительно усмехнулся Хегни. – Видали мы их! В гробу, в белом саване!

– Я предпочитаю думать, что могут, – отрезал Харальд. – Хватит разговаривать, пора спать. Завтра идти. Хегни, если не ошибаюсь, сегодня твоя очередь сторожить?

– Моя. – Весельчак сразу увял, словно клен к осени.

С шутками и прибаутками принялись укладываться. Вскоре у костра стало пусто. Часовой сидел в стороне, неразличимый среди теней, и бдительно вглядывался в ночную темень. Людей в предгорьях нет, это верно, но существа, здесь живущие, ненамного менее опасны.

– Тревога!

Харальд вскочил, словно подброшенный. Разум еще окутывала пелена сна, но тело, тренированное и обученное, стремящееся выжить, все делало само. Меч оказался в руке быстрее, чем Харальд про него вспомнил. Шершавая рукоять в ладони придала бодрости, и он смог оглядеться.

Земля вздрагивала, словно в ужасе. Пока соображал, в круге света, что бросал непрогоревший еще костер, появилось нечто темное, огромное. Сбоку от движущейся горы мелькнул человеческий силуэт, сверкнула сталь. Ходячий холм дернулся, и над лесом прокатился раздраженный рев.

Уши заложило, зато Харальд быстро пришел в себя.

– Исполин! – крикнул он.

Остальные спутники были уже на ногах. Где-то за телом великана кричал Хегни, отвлекая чудовище от костра и товарищей.

– Задержите его! – рявкнул Харальд, отчаянно кусая губы. – Ненадолго! И я смогу его уничтожить!

Как и любое стихийное существо, исполина можно заклясть и разрушить заклятием. Но дело в том, что любая магия требует времени, и пока Харальд будет готовиться, громадное порождение гор просто убьет всех.

– Вперед! – по команде Иареда Гуннар и Асир бросились к исполину, выставив короткие копья.

Сам Иаред и Торвальд быстро готовили к стрельбе луки. Гигант ревел и бесновался, пытаясь достать верткого Хегни.

Не выпуская из рук меч, Харальд отыскал сумку с магическими принадлежностями. Усилием воли успокоил зашедшееся было в страхе сердце. Некогда бояться, время слишком дорого. Ну и что, что никогда не доводилось сражаться с детьми стихии Земли. Все когда-нибудь случается в первый раз. И к тому же от быстроты и успешности его действий сейчас зависит жизнь шести человек.

Рисовать острием меча не очень удобно, но искать нечто более подходящее не было времени.

Довольно быстро на земле появилась светящаяся синим пятиконечная звезда, вписанная в круг. Вершина ее смотрела строго на запад. Харальд стиснул зубы, заставляя себя не слышать крики и лязг оружия, не обращать внимания на дрожащую под ногами землю.

В центре звезды он начертил букву Уинлеанн, знак Истинного Алфавита, символизирующий Землю. По нему, как и положено, пробегали рыжевато-серые проблески.

Тяжело дыша, Харальд распрямился. Запах сырой почвы лез в ноздри, пот стекал по телу, напоминая о том, что даже простейшее магическое действо требует немалых сил.

Под свет звезд явился кинжал. Широкий, тупой, он не годился для того, чтобы резать: металл в нем некогда упал с неба, и стихии не могли устоять перед невзрачным лезвием.

От места боя раздался хряск, затем по ушам хлестнул крик:

– Хегни! Не-ет!

Кричал Торвальд.

Харальд с большим трудом сдержал желание броситься на помощь. Сжал голову руками, сосредотачиваясь. При исполнении заклинания дело чаще всего не в словах, которые выговаривает маг, а в том, как он их произносит, с каким настроем.

Кинжал вонзился в землю напротив вершины звезды. Харальд закрыл глаза и зашептал, одновременно вспарывая лезвием, словно маленьким плугом, темную плоть. Толкать, сидя на корточках, оказалось неудобно, и он чувствовал, как ноют мускулы спины и ног. Но останавливаться нельзя, ни в коем случае...

В тот миг, когда лезвие коснулось рисунка, Харальд обрел способность видеть, не открывая глаз. Чертеж светился перед ним во тьме ярче, чем наяву, а слева из мрака проступила высокая грузная фигура. Комьями почвы бугрилось тело, валуны торчали из ног, пучились топазы глаз. Носа нет, вместо рта – узкая щель; исполин, дитя буйства недр земных. Сейчас он замер, скованный магией.

Не давая сосредоточенности уйти, Харальд толкал потяжелевший нож вперед, стиснув зубы. Чувствовал себя так, словно к руке привязали груз в сотню пудов. Когда лезвие достигло буквы в центре рисунка, в ушах родился тонкий звон, чертеж начал мигать, а фигура исполина задрожала.

Со стоном он проволок кинжал еще дальше, а когда достиг края рисунка, тот погас. Потух вместе с ним и мир вокруг. Что-то холодное ударило в лицо, и Харальд потерял сознание.

Пришел в себя от ударов по щекам. Во рту оказалось сухо, как в пустыне, череп раскалывался от боли. Глаза некоторое время отказывались воспринимать происходящее вокруг, затем взгляд удалось сфокусировать.

Он лежал около костра, а вокруг столпились товарищи. Одежда их и оружие были заляпаны грязью. Судя по тому, что все было спокойно, колдовство удалось.

– Все, я в порядке, – прохрипел Харальд.

Иаред кивнул и протянул руку.

Подняться удалось с трудом. Отгоняя незваную гостью – слабость, Харальд осмотрелся. К северу от костра появилась огромная куча земли. В звездном свете сверкали на ее вершине два топаза, чуть ниже темнел рот. Даже перестав существовать, исполин всматривался в небо. Именно из-за таких вот чудовищ земли возле гор почти необитаемы.

Около костра лежал Хегни. Тело его было смято, словно старая тряпка, но лицо осталось целым. На нем застыла тоска, которую Хегни, по прозвищу Весельчак, никогда не допускал при жизни. Но смерть меняет привычки, даже самые прочные.

Харальд сглотнул и ощутил, как запершило в горле. Голос вдруг отказался повиноваться, и осталось лишь молча смотреть в глаза тому, с кем недавно сидел у одного костра...

Утром, когда похоронили Хегни, пошел дождь, а на ветвях Харальд заметил первые пятна рыжины. Точно такие же, что украшали лес вокруг замка Триз четыре года назад...

Прекрасна ранняя осень в лесу. Пока холод и сырость еще не совсем овладели миром, золото листьев прекрасно смотрится на фоне пронзительно-голубого неба бабьего лета.

Но Харальд почти не выходил из замка. Красоты не привлекали его, а приглашения на охоту он просто игнорировал. Иное увлекло его. После пяти лет бесплодных усилий, пяти лет изучения книг и глотания пыли он оказался близок к тому, чтобы сотворить первое настоящее чародейство. До прогулок ли в такой момент?

Он давно выбрал одну из вечно пустующих комнат на вершине угловой башни и очистил ее от грязи, с помощью слуг, естественно. Он все лето собирал необходимые для заклинания компоненты – ведь это только в сказках маг творит чудеса, пошевеливая мизинцем, на самом деле самое маленькое колдовство требует долгой подготовки.

И наступило новолуние. Серебряная монета луны висела в черной пустоте небес, сияя, словно надраенный таз. Царила полная тишина, ветер не осмеливался дыханием нарушить красоту ночи, а обитатели замка, даже самые буйные, давно уснули.

В углах комнаты дымились две курильницы с Благовонием Мудрости. Сильный аромат заставлял сердце учащенно биться. В нем причудливо смешивались запахи корицы, лаванды

и сандала. Как утверждает Книга Темной Луны, Благовоние Мудрости очищает разум и обостряет восприимчивость.

В центре начерченного углем на полу круга Харальд встал сам, лицом к востоку. Круг заранее разделил на четыре части: северную, восточную, южную и западную. В каждой установил и зажег свечу особого цвета: на севере – синюю, на востоке – желтую, на юге – алую и на закате – зеленую. Кроме свечей четверти украсили буквы Истинного Алфавита, в каждом отделе – своя. Их значения Харальд постиг с превеликим трудом, из книги, зашифрованной тайнописью. Немало повозился, не одну бессонную ночь провел, но ведь мед познания слаще вина, притягательнее любви...

Сердце стучало так, что, казалось, выскочит через горло. Сдерживая волнение, Харальд прокашлялся, поднял руки и начал ритуал. Оранжевые языки свечей колебались в такт словам, и черная тень молодого заклинателя корчилась на фоне стен, будто от страха. Да, Харальд боялся, но не смерти и боли, а только того, что он окажется лишен магического дара и ничего не получится.

Он обращался к силам, которые неизмеримо древнее человека. Слепые, необоримо могучие, они существуют с начала мира. Харальд молил стихии, заклинал Огонь, Воздух, Воду и Землю показать себя здесь, в пустой комнате, в нежилой полуразрушенной башне, в чистом, непостижимом для обычного человека виде.

Он говорил страстно и убежденно и не замечал, что произносит совсем не те слова, что старательно заучивал в последние дни. Голос юноши окреп, и странный ритм проник в его речь.

Очнулся он лишь оттого, что порыв ветра ударил в лицо. В восточной четверти, затушив свечу, вращался, вибрируя от собственной мощи, столб смерча. Крутился почти бесшумно серо-белой толстой змеей, но пол вздрагивал, и расходилась от смерча в стороны сила, сухая и холодная.

Не успел Харальд насладиться зрелищем, как столб исчез, пропал с громким шипением. Вместе с ним с пола исчезла и буква, а огарок потерял цвет, став грязно-серым, словно обычная свеча.

Харальд ошалело сглотнул и повернулся к югу. Ритуал нельзя прерывать, а то вырвавшиеся из-под контроля силы уничтожат малоопытного мага, а заодно и весь замок.

И вновь он захлебывался словами, не очень понимая, что говорит. Руки дрожали от напряжения, аромат лаванды казался горьким, но вторая стихия ответила воззвавшему. Прямо из пола, из буквы Феарн ударил столб изжелта-рыжего пламени. Жар заставил Харальда зажмуриться, но лишь на миг. Затем в сердце родилось восхищение, и юноша замер, любуясь.

Но ничто не вечно, и погасло пламя, слизнув последним алым языком символ с пола. Превозмогая слабость, Харальд повернулся лицом к закату, в сторону смерти и забвения. Отер залитую потом щеку о плечо и заговорил вновь.

Печально падали слова, словно черные рыхлые комья в пасть могилы, и, повинуясь им, рос прямо из пола серый каменный прыщ, холм, сложенный из плоских и гладких, словно шляпки грибов, камней.

Вырос, достал до потолка и застыл, грозя рухнуть, погрести под собой жалкого смертного, осмелившегося вызвать такую мощь! Камни глухо и грозно рокотали, почти рычали. Харальд не смолкал, и только слова, что держали в повиновении стихию, помогали справиться со страхом.

С глухим гулом накренился каменный столб и исчез, рухнул сам в себя, оставив пол девственно-чистым.

Пот застилал глаза. Харальд чувствовал себя дряхлым старцем, взявшимся в одиночку выкорчевать дуб.

Ноги тряслись, чуть не подламываясь, в рот словно песка насыпали, горло немилосердно саднило, а запах лаванды вызывал тошноту.

Со стоном, ошущая, как скрипят суставы, молодой Триз развернулся на север. Почти не слыша себя, начал последнее заклинание, призыв Воды. Почти плача от усталости, он едва шептал, но даже слабый голос порождал эхо. Казалось, будто некто могучий и басистый повторяет слова за юношей.

В лицо повеяло свежестью. Сквозь пелену пота и слез Харальд увидел искрящийся водопад, рушащийся прямо из потолка и исчезающий в плитах пола. Вода падала почти бесшумно, слышался лишь легкий плеск. По темно-синей глади стремительными рыбками скользили серебристые искры. Поверхность водопада колебалась, словно ткань под ветром...

Поток истончился и исчез в один миг. Вслед за ним вспыхнул белизной и пропал магический круг. Главное условие успешного колдовства – исчезновение рисунка, и оно оказалось исполнено.

Едва не падая от усталости, спустился Харальд по лестнице и добрел до кровати. Последнее, что прошептал перед сном, было: «А все же я буду магом!» Тогда ему казалось, что это очень легко...

Утром вчерашний успех казался сном, ярким видением. Особенно на фоне того, что случилось. Младшего в роду вызвали на семейный совет, и как – письменно. Слуга принес на старинном серебряном подносе свиток – письмо, запечатанное кабаньей головой, будь она неладна!

Принес, подал с поклоном и исчез бесшумно.

С внутренней дрожью Харальд сломал печать. Буквы, самые обычные, суетились перед глазами обезумевшими мурашами. С трудом удалось уловить смысл: «Благородный Харальд фон Триз да изволит прибыть к полудню в главный зал замка, ибо пристало роду решить судьбу оного Харальда».

«Оного! Роду – решить?! Ишь, разбежались!» – думал Харальд, но коленки у него тряслись. Знал, что отец не остановится перед тем, чтобы упечь строптивого отпрыска в подвал на полгода. Чтобы остыл. И не таких обламывали.

Когда солнце достигло своей верхней точки, Харальд вошел в главный пиршественный зал. Вся семейка (о, простите, род!) в сборе. Все – похожие, светлоглазые, светловолосые. Отцу давно перевалило за полсотни, но крепок и кряжист, словно дуб, а силой поспорит с медведем.

Рядом с отцом братья Харальда, двое родных и двое двоюродных (наследство сгинувшего на войне дяди). Все старшие. Сидят, ухмыляются, катают тупые улыбки по самодовольным лицам. У, свора! От братьев Харальду доставалось больше всего. Но и сестричка не отставала, учила младшенького время от времени уму-разуму (Ой, а ты книжки читаешь? Не может быть! Умный, да? – и за ухо). Злилась, наверное, что замуж не берут, ведь уже двадцать семь ей. Но с такой-то рожей... гм...

Все в сборе. Семья, родственники, мучители. Харальд ощутил, как от гнева заныло под ложечкой, и крепче сжал челюсти. Они травили его много лет, и некому было защитить. Мать он не помнил, она ушла еще молодой, среди слуг ходили слухи, что от побоев отца.

Под яростным взглядом Харальда Тризы смешались, хотя чувствовать себя неловко должен был как раз он, непутевый отпрыск родовитой семьи.

– Гм, – сказал отец, прочищая гордо. – Ты пришел. Хорошо.

– Да, отец, пришел. – Харальд склонил голову, изображая почтение.

– Мы, то есть я, – Эрик фон Триз, старший в роду, говорил медленно и величаво, но в голосе его то и дело прорывались нотки ярости, словно у медведя, пока еще спокойного, но

готового взреветь и мохнатой бурой горой обрушиться на врагов. Да и запах пива и дыма, витавший в зале, мало подходил к речи, которая изливалась из уст горделивого владыки груды развалин посреди леса.

– Я решил, что пора тебе, сын мой, вступать во взрослую жизнь. А поскольку, – начал он вещать перед зловеще ухмыляющимися сородичами, – жить с нами тебе неуместно и твое положение не позволяет надеяться на наследство, то мы, то есть я решил, что пора тебе жениться и перейти в род жены.

– Как? – Харальд растерялся. – Жениться?

– Да, сын мой, – Взор отца оставался спокоен, словно небо в июльскую жару, только голос рычал, предупреждая сопротивление. – Ты умеешь все, что положено родовитому, и в твоей будущей семье многое тебе пригодится.

– А что за семья? Родовита ли невеста? – тупо спросил Харальд, чувствуя отчаяние. Он ожидал чего угодно, гнева, криков, но не такого!

– Для младшего в нашем роду – достаточно родовита! – отрезал отец, а ухмылки на лицах родичей обозначились яснее. – Старшая дочь Симеона из Сандри, Вирсавия.

– В гербе белые лилии, – упавшим голосом подхватил Харальд. – Родовитость Симеон получил благодаря деньгам, а замок просто купил.

– Ты против? – Медведь вскинулся, готовясь к броску. Опасные огоньки заметались в голубых глазах отца, таких похожих на его, Харальда. Столь схожих-и других.

– Нет. – Неожиданное холодное спокойствие снизошло на душу младшего в роду. Теперь он понял, что надлежит делать. – Я не пойду против рода. Буду с мечом у пояса водить обозы тестя и помогать пересчитывать его деньги. А в свободное время буду делать детей, фон Тризов из Сандри.

– Ты издеваешься? – Нахмурился старший из братьев. Наследник. У самого двое голопузых бегают, да жена вечно пилит. Родовитая – жуть, зато бедная, не из Сандри.

– Ничуть, – ответил Харалъд серьезно.

Он на самом деле не издевался. Он лгал, в лицо, в открытую.

Но они не понимали, не могли понять. Иногда хорошо быть умным.

Ночь приняла беглеца, как своего. Чуть слышно шептались над головой ветви, заглушая мягкий стук копыт, запахи грибов и палой листвы навевали спокойствие и уверенность.

Убежать оказалось неожиданно легко. Побега от него, мягкотелого неженки, не ждали. Ожидали протестов, криков, жалоб, но никак не действий.

Седельные сумки плотно набиты: еда, книги по магии, самые нужные, интересные, путевые мелочи. У пояса меч, без которого знатный человек из дому не выйдет.

За спиной послышалось пение:

Бряцанье доспехов, страх и кровь врага!
Воспрянь, Кабан, на бой

Юноша затряс головой, отгоняя морок. Нет, никогда более не услышит он этот напев! Не желает слышать. Замок Триз остался в прошлом. А он – он будет магом!

Первые капли дождя рухнули с темного неба, холодные, противные. Бабье лето закончилось.

Первые капли дождя упали из темной мешковины туч в самый неподходящий момент – во время подъема по каменной осыпи. Серые камни, похожие на старые черепа, сразу намокли. Идти теперь приходилось с крайней осторожностью: соскользнет нога – и перелом обеспечен.

Шагали в непривычном молчании. Раньше всегда выручал Хегни, но где он теперь? Не докричишься...

А горы вокруг столпились любопытными великанами, собравшимися посмотреть на смелых козявок-людей, рискнувших прийти к ним в гости. Редкие желтеющие деревца, иногда – рощицы, ледяная вода в ручьях и водопадах, да туманы – седые густые, – вот и весь пейзаж. А теперь еще и дождь. Осень в горах, осень...

Харальд шел впереди, выбирая дорогу. Хотя и сам ее не знал. Только направление, лишь примерное место смог он узнать о тех землях, что за горами, вместо которых на всех картах белое пятно. Именно там цель путешествия, безумного, рискованного, но такого нужного. Ему. Почти магу.

Резкий крик вырвал из плена раздумий. Ему вторило рычание.

На скальном уступе, чуть впереди и выше замер огромный зверь. Светлый мех его слипся от дождя, но владыка вершин, ирбис, все равно был красив. Зеленые глаза горели яростью, хвост, подобный толстой змее, хлестал по бокам.

Харальд замер, скованный испугом, словно вода морозом. Отрешенно следил за тем, как взвилось в воздух гибкое тело, как блестели, приближаясь, огромные когти. Даже мысли не возникло увернуться или вытащить оружие.

Резкий рывок за пояс. Что-то цепляет левую голень. В щеку бьют холодные и твердые камни. Рев за спиной и крики людей.

Когда Харальд поднялся, все было кончено. Ирбис лежал мертвый, оскалив желтые клыки. Резкий запах хищника отдавал падалью.

А рядом с барсом умирал Асир. Тот, кто спас Харальда, отшвырнув его в сторону, прочь от голодного зверя, подставив под когти и клыки себя. Лапа огромной кошки лишь задела Харальда за ногу. Дешево отделался.

На смуглом лице Асира играла улыбка, ровные зубы блестели жемчугом. Он не боялся умирать. Воин, прошедший сотни схваток, Асир Молчун, не боялся.

Харальд подошел, присел на корточки рядом с умирающим. В груди ворочался огромный ядовитый слизень, каждое движение которого причиняло боль. «А я, я – смог бы? – спрашивал себя Харальд. – Смог бы пожертвовать собой ради друга?» Ответа не было Асир открыл глаза, улыбнулся. Хоть сейчас, перед смертью, не молчи, Молчун! -

– Я... – На побелевших губах вспухли кровавые пузыри. – Отдал долг... Ухожу свободно...

Он успел еще раз улыбнуться и с легким выдохом закрыл глаза.

Они похоронили соратника под камнями, и когда последний серый голыш лег поверх свежей могилы, заговорил Торвальд.

– Это уже вторая смерть, – сказал он с необычной для него нерешительностью. – А мы еще не миновали гор. Что ждет нас дальше? Может быть, вернемся?

– Возвращайтесь, – ответил Харальд, морщась от боли в ноге. – Я пойду дальше один!

– Ты знал, на что шел, – вмешался в разговор Иаред. – И будет позором отступить с полдороги, Я иду дальше!

Под суровым взглядом старейшего в отряде Торвальд смешался и замолчал.

Когда Харальд обработал рану, то понял, что останется шрам. На правой голени, точно такой же, как тот, первый, что на левой...

Сколь удачно было начало побега, столь же бесславным вышло его окончание. Харальд стремился на северо-восток от родного замка, к единственному известному ему обиталищу мага, надеясь попасть в ученики.

Над головой нависало дырявое осеннее небо, из которого то и дело начинал лить дождь. Грязь оседала на сапогах и дорожном плаще, холодный ветер лез под одежду, стремясь приласкать мокрыми руками.

На второй день пути дорогу преградил овраг, глубокий и тенистый. Сумрачные стояли вокруг темно-зеленые ели, и у Харальда отчего-то закололо в сердце.

Под ногами лошади успокаивающе хлюпала вода, из леса мирно тянуло сыростью, и путник успокоился. Как оказалось, зря!

Только двинулся, как из зарослей появились люди. Много. Плотоядные ухмылки на загорелых рожах, в крепких руках – топоры, луки и рогатины. Разбойники.

Судорожно сглотнув, Харальд остановил лошадь. Положил руку на меч. Над оврагом повисла тишина, плотная, осязаемая. Лишь далеко в чаще суматошно вопила обезумевшая птаха.

Вперед вышел высокий крепкий мужик в черной шапке. Синие глаза на смуглом лице смотрели зло, изогнутый нос придавал атаману облик хищной птицы.

– Хм, – начал он речь. – Далеко ли держит путь родовитый господин?

Разбойнички. душегубы лесные, потехи желали Развлечения. А то бы давно нашпиговали неосторожного путника стрелами, не вылезая из засады. И теперь гоготали, не ожидая от зеленого юнца сопротивления.

– Я? – испуганно пискнул Харальд. Он вспотел от страха, и запах собственного пота показался неприятен.

– Ты! – рявкнул атаман, зловеще ухмыляясь. – И отвечай, не тяни, а то подергаем за язычок-то, коли будешь молчать!

Разбойники заржали, словно кони по весне. А Харальд неожиданно успокоился. Он хочет стать магом, и он им станет, обязательно! И никакая свора татей чащобных этому не помешает!

– Я еду в славный город Сандри, там меня ждет невеста, – ответил юноша, стараясь, чтобы голос звучал как можно жалобнее, а губы – тряслись. Почему бы не подыграть господам разбойникам? Скучно у них в лесу, поди.

– Ясно, к невесте. – Атаман приосанился, сверкнул синими очами. Ни дать ни взять – родовитый, а то и владелец замка. – Дело хорошее. Но только через наши земли проезд платный...

Что там дальше вещал атаман, Харальд не стал слушать. Понимая, что развернуть коня ему не дадут, он решил пробиваться напролом и пришпорил коня. Благородное животное, возмущенное подобным обращением, закричало и бросилось вперед.

Скачок – и атаман оказался на земле. Еще один, и в левой ноге начала пульсировать боль. Что-то пролетело рядом с ухом, надсадно свистя. «Стрела» – только и успел подумать Харальд, но тут надвинулась зеленая стена леса. По сторонам и сверху замелькали ветки. Позади стихали злые и разочарованные вопли.

Он почти не замечал боли, не обращал внимания на слабость. Вернувшийся страх воющим зверем вцепился в спину и орал в ухо: «Вперед! Вперед!» Лишь когда в глазах начало темнеть, юноша спохватился – попытался остановить коня, осмотреть рану, но голова закружилась, и он только и смог, что вцепиться в гриву.

Без сознания, лежа на лошадиной спине, он мчался вперед, в неизвестность.

Неизвестность ждала впереди, но Харальд упорно вел маленький отряд все выше. Когда подошли к перевалу, дождь превратился в снег. Зелень осталась внизу, вокруг полновластно воцарились два цвета: белый и серый. Белый снег, серые скалы, словно сточенные зубы в белых деснах, серое небо. Бело-серый туман.

Костер не разводили, питались запасами сухарей и вяленого мяса. Харальд не мог видеть себя, но по потемневшим, осунувшимся лицам спутников хорошо представлял, на что он сейчас похож. На мертвеца. На труп со светлыми глазами, по недоразумению обретший возможность ходить. Повернуть назад мысли даже не возникало. Не использовать шанс стать магом – этого себе позволить Харальд не мог.

Но вот перевал. Половина пути. Узкая седловина меж двух каменных рогов. Все, что севернее, – не отмечено на картах. Есть лишь слухи, глупые и противоречивые. Но внимательный слушатель и в плохо пахнущей куче сплетен найдет жемчужину. Как нашел он, Харальд.

С перевала неведомые северные земли выглядят вполне обычно. Еще два ряда невысоких гор, а за ними – лес. Судя по темно-зеленому, почти синему цвету, хвойный.

К полудню следующего дня вышли из пояса снегов. Потянулись каменистые, голые склоны. Ветер тоскливо пел над камнями, словно поминая кого-то. Харальд, как обычно, шел первым, и когда за спиной зарокотало, словно зевнул пробудившийся великан, то он даже успел оглянуться. По склону обманчиво медленно надвигался обвал.

– Бегом! – рявкнул Харальд и рванул к спасительному уступу что есть сил. Не оборачивался, слышал позади тяжелое дыхание. Дрожь земли под ногами и грохот за спиной придавали сил.

Влетел под уступ, который серой коленкой торчал из тела горы. Обернулся, и едва не закричал. Торвальд и Гуннар были уже здесь, под надежной зашитой, а вот Иаред...

Ему оставалось всего около двух саженей, когда камень размером с кулак ударил в висок. Харальду показалось, что он услышал треск костей. Иаред упал, и накатила основная масса обвала.

Харальд до боли сжал кулаки, в глазах потемнело. По лицу что-то текло. Не сразу догадался, что это слезы, а когда понял – не устыдился. Он не слышал больше грохота камней, мир сжался до светлого пятна перед глазами.

Когда слух и зрение вернулись, Харальд обнаружил, что обвал закончился. Словно издеваясь, из-за туч впервые за весь поход выглянуло солнце, тусклым желтым ликом воззрившись на землю.

Рядом стояли Торвальд и Гуннар, бледные, печальные.

Чувствуя, что ноги не держат, Харальд сел прямо на камни, обхватил голову руками.

– Зачем? – ему казалось, что он спросил шепотом, но спутники хорошо все слышали. – Зачем столько смертей? Сначала Весельчак, потом Молчун, теперь Иаред... Зачем?

– Дорога была опасна, – начал было Торвальд, но Харалъд не слышал его. Он говорил все громче.

– В первый раз смерть пахла землей, потом зверем, а сейчас – камнем... Почему? Все из-за меня, да? Будь проклято мое желание, будь проклят этот поход!

Гуннар и Торвальд переглянулись. В криках их товарища звучали нотки безумия...

Глава 2

Магией называется практическое приложение духовных сил, приобретенное при прохождении различных степеней посвящения!
Жерар Эньос (Папюс)

Успокоился Харальд лишь к вечеру. Боль в сердце притупилась, хоть и не ушла совсем.

– Лучше бы этот поход никогда не начинался, – шептал Харальд, сидя у костра.

Высыпавшие па небе звезды равнодушно внимали его словам, от близкого леса тянуло запахом хвои. При дыхании изо рта вылетали облачка пара, но Харальд не обращал на холод особого внимания. Мороз, идущий изнутри, донимал его гораздо сильнее.

– Они бы остались живы...

Возникло острое желание вернуться в прошлое, в те времена, где по его вине еще никто не погиб...

Да, тогда ему очень повезло. Куда бы занес раненого конь – неизвестно. Может быть, в лапы к разбойникам, может – в глубь лесов.

Однако очнулся Харальд в постели. Лежать было хорошо и покойно. Болела нога, но не очень сильно. Вокруг царила тьма, разгоняемая лишь багровым свечением углей в камине. Больше ничего осознать юноша не успел – провалился в сон.

– Следующее пробуждение пришлось на день Сквозь окно падал серый осенний свет, слышался шум ветра

Приподнявшись, Харальд осмотрелся. Комната оказалась невелика, обстановка не поражала богатством. Но было чисто и опрятно. Свою одежду и вещи Харальд обнаружил на стуле рядом с кроватью и вздохнул с облегчением.

Пока раздумывал, где находится, вошла молодая женщина. Голубые глаза на миловидном лице лучились добротой. Простое платье очерчивало чуть полноватую, но очень женственную фигуру.

– О, вы проснулись, молодой господин, – сказала она с улыбкой.

От мягкого, словно перина, голоса у Харальда заныло в копчике.

– Эээ... да, – только и смог он ответить. – А где я? И как сюда попал?

Женщина подошла ближе. От нее пахло как-то по-особенному, теплом, покоем, пахло домом...

– Вы на постоялом дворе «У Ворчуна», – еще раз улыбнулась голубоглазая, и на щеках ее обнаружились милые ямочки. – На моем постоялом дворе А привез вас вчера благородный Торбьерн фон Ахар. Возвращаясь к себе в замок из гостей, он встретил вас в лесу на коне, без сознания, истекающего кровью. А поскольку в замок Ахар ехать мимо нашего села, то он и привез вас к нам. Знахарь осмотрел вашу рану и сказал, что ничего страшного. Это вы с разбойниками встретились?

– Да, с ними. – Харальд помрачнел – А как зовут тебя, хозяйка?

– Мое имя Дина, – в третий раз улыбка заиграла на симпатичном липе, превращая его в очень красивое. Сочные, как спелые вишни, губы приоткрылись, обнажив белые ровные зубы. – А вас, молодой господин?

– Меня зовут Харальд, – юноша вдруг смутился и почувствовал, что голоден.

– Вы, наверное, хотите есть, родовитый Харальд? – догадалась Дина. – Сейчас вам принесут. Надеюсь, у вас есть деньги?

Расчетливая нотка в словах женщины показалась порывом холодного ветра в теплый день.

– Да, есть, – вновь смутился Харальд, сам не понимая почему. – Я, наверное, задержусь здесь на несколько дней.

В первый же вечер Харальд спустился в общий зал, где пьянствовал, догуливая последние дни перед возвращением в замок к жене, родовитый Торбьерн. Родовитый и благородный, ибо не ограбил беспомощного путника, не бросил его умирать в лесу, как поступили бы на его месте многие, даже весьма прославленные люди.

В большом зале постоялого двора царил обычный вечерний шум. Служанки трудолюбивыми пчелами сновали по помещению, таская вместо меда кружки. Аромат жареного мяса, чеснока и пива висел густым облаком.

Несмотря на сутолоку, Харальд легко отыскал спасителя. Фон Ахар занимал центральный стол, круглый, словно солнце, и большой, как пень старого дуба. Пить с хамами Торбьерн считал ниже собственного достоинства, и, кроме него, за столом никого не было. Поэтому, завидев спасенного, он искренне обрадовался.

– О, вот и раненый! – сказал спаситель, широко осклабившись. Ряд острых зубов в сочетании с густой бородой и звероватым обликом производил устрашающее впечатление. Родовитый хозяин замка Ахар походил на разбойника более, чем любой из встреченных Харальдом лесных грабителей – Садись, выпьем, а то вокруг одно отребье Торбьерн обвел зал налитыми кровью глазами. Под его взглядом люди съеживались, стараясь выглядеть как можно более незаметными.

Харальд сел, подождал, когда Торбьерн сфокусирует на нем взгляд, и начал заготовленную речь:

– Позволь поблагодарить тебя, родовитый Торбьерн фон Ахар, за спасение жизни мо...

– А, пустое! – отмахнулся бородач. – Ты сам-то кто?

– Меня зовут Харальд. – Юноша на миг замялся и решил все же не называть полного имени. – Просто Харальд.

– Понятно, – усмехнулся Торбьерн, и синие глаза его остро блеснули. – Скрываешь имя. Чтобы лучше его скрыть, сними накладку в виде кабаньей морды с рукояти меча.

Юноша вздрогнул. Издевается? Но Торбьерн смотрел спокойно, в васильковых зрачках не было веселья, только ровная безмятежная уверенность в себе.

– Не бойся, – бородач вновь усмехнулся, напомнив юноше улыбающегося волка. – Я тебя не выдам. Не имею привычки лезть в чужие дела. Давай лучше выпьем!

– Э, – Харальд замялся Он не был большим любителем хмельного, но обижать спасителя не хотел.

– Я угощаю, – Торбьерн понял замешательство собеседника по-своему. – Тут отличное пиво. А к нему возьмем острых колбасок, их делает сама хозяйка. Пальчики оближешь! И еще – мяса. Полкабана нам хватит.

Желудок Харальда взвыл голодным зверем и ринулся грызть ребра. Во рту неизвестно откуда образовалось целое озеро слюны, и юноша только и нашел сил, чтобы кивнуть. Молодое тело требовало насыщения.

К себе в комнату вернулся поздно, ощущая себя раздутым от пива и мяса бурдюком.

Харальд задержался на постоялом дворе больше чем на несколько дней. Сначала мешала выехать рана, затем окончательно испортилась погода. Пришла настоящая осень, холодная и сырая. Дождливые дни следовали один за другим, дороги развезло, а землю устлал ало-золотой ковер опавшей листвы.

Невозможность двигаться к цели угнетала, и фон Триз все больше мрачнел. Постояльцев «У Ворчуна» становилось все меньше, и однажды вечером Харальд сидел в большом зале один. Янтарное пиво в деревянной кружке перед ним убывало очень медленно.

Подошла Дина, шурша платьем.

– Что-нибудь угодно, молодой господин? – спросила мелодично.

– Нет, – ответил Харальд мрачно. – Ничего.

– Тогда можно я посижу с вами? – Молодая женщина улыбнулась чуть стеснительно, и у юноши пересохло во рту.

– Конечно, – ответил он поспешно, опуская взгляд.

Мягко скрипнул стул, и Харальд рискнул поднять глаза. Хозяйка смотрела на него спокойно, с не совсем понятным шаловливым огоньком в глубине бирюзовых глаз.

– Как так получилось, что ты, женщина, заправляешь постоялым двором? – спросил Харальд, набравшись смелости. – Насколько я знаю, это мужское дело.

– Мой муж умер два года назад. – Дина вздохнула. Крупная грудь под темно-синим платьем поднялась и опустилась, заставив юношу судорожно вздохнуть. – Это был его постоялый двор.

– Вот как. – Харалъд задумчиво почесал подбородок.

– Муж был стар, когда я вышла за него, так что я не очень жалею. – Улыбка Дины в вечернем полумраке показалась особенно красивой, – А вы, молодой господин, вы откуда? Я понимаю, что хорошая хозяйка никогда не задаст такого вопроса... Но надеюсь, вы не обидитесь.

– Нет. – Харалъд вдруг ощутил желание выговориться, рассказать обо всем. Долгое время он переживал неудачу путешествия в одиночку. В этот миг понял – дальнейшее молчание сведет с ума.

– Я ушел из дому, – сказал он, попытавшись улыбнуться. Но улыбка вышла кривой, фальшивой. – Сбежал от родичей. Улизнул, чтобы стать магом. И теперь сижу здесь, и время идет зря, впустую. Я не могу идти к цели, и от этого мне плохо...

– Ничего, молодой господин, все будет хорошо.

Он скорее ощущал, чем слышал или видел, как она поднялась, подошла сзади. Теплое дыхание обдало шею, заставив мурашки побежать по коже, ласковые руки обняли за шею, грудь прижалась к спине.

Страстный шепот обжег ухо:

– Пойдем. Все будет очень хорошо...

Все действительно оказалось очень хорошо. Харальд имел кое-какой любовный опыт; братья как-то решили сделать его мужчиной, приведя для этой цели дворовую девку, и сами наблюдали за процессом, хохоча и гогоча. От того случая запомнился только стыд, а еще какое-то болезненное, неестественное наслаждение.

С Диной все получилось совершенно иначе. Она была жадна, как только может быть жадна женщина, долгое время не видевшая мужской ласки; она была страстна, как кошка, и она была умела и осторожна. Харальд упал в темное море нежности и страсти, в пучину, пахнущую женским телом. Мягкие, ласковые волны баюкали его до рассвета, а когда он вынырнул, то все тело оказалось сплошным воспоминанием о счастье. Блаженство плавало в крови, затуманивало разум, а тело пребывало в сладком изнеможении.

Он потерял счет дням. Краски осени сначала поблекли, затем перьями из порванной подушки повалил первый снег, и вот уже белый платок зимы покрыл землю. Харальд же не обращал на время никакого внимания, оно потеряло значение.

Страсть охватила его целиком, не оставив места для сомнений, скорбен и горестей. Дина стала для Харальда матерью, женой, любовницей и сестрой одновременно. Она заботилась о нем, кормила, выслушивала, утешала, а по ночам продолжала звучать мелодия соединения двух любящих существ, сладостная до дрожи...

Порыв ветра прорвался сквозь заросли и ударил Харальда в спину, заставив его задрожать совсем не от страсти. Неохотно возвращался он из мира воспоминаний, полного радости и тепла.

Вокруг шумел лес, холодный, неприветливый, в костре с треском умирали ветки. Товарищи спали. Над северными землями царила холодная осенняя ночь.

Утро встретило дождем.

Шли целый день под обстрелом мелких ледяных капелек, что ухитрялись проникать сквозь одежду и оседали на коже стылой волглостью. Ветер стих, и на зеленое царство леса опустилась тишина. Возносились коричневые стволы сосен, мрачно синели ели, стояли лиственницы, одетые в нарядные пушистые шубы. Пахло мокрой хвоей.

На ночевку встали на берегу тихой речушки. Воды ее отливали сталью, а следы от дождя казались оспинами на серой гладкой коже.

Когда скудный ужин был съеден, Харальд заметил, как переглядываются спутники, но не обратил особого внимания. Спустя некоторое время Торвальд прокашлялся.

– Послушай, Харальд, – сказал он нерешительно. – Может, ты все же расскажешь, куда и зачем мы идем? Здесь даже если кто и подслушает, то помешать все равно не успеет. Мы-то сколько сюда добирались!

– Ты ошибаешься, – вяло возразил Харальд. – Для мага, для настоящего мага не составит труда достать нас даже тут.

– Ну и что, – не сдался Торвальд. – Мы имеем право знать, за что рискуем жизнью! Трое наших товарищей погибли, а мы так и не поняли зачем!

– И моих, – Харальд поднял взгляд, и Торвальд осекся и отпрянул. На миг ему показалось, что на него смотрит змея. Огромная, хищная, с пронзительно-голубыми глазами. – Помни, что они были и моими друзьями...

Повисла тишина. Из глубины леса донеслось уханье филина – птица готовилась к началу охоты.

– Хорошо, – сказал Харальд, и голос его звучал размеренно и спокойно. – Я расскажу.

Он вновь замолчал, поворошил палкой в костре, который боролся за жизнь с продолжавшим накрапывать дождем.

– Цель похода лежит примерно в двух днях пути на север, в местах, что принадлежат людям, называемым нид. Их племя, насколько я знаю, невелико и бедно. Но именно в пределах их охотничьих угодий стоит храм, очень старый храм. Я не знаю, кто его построил, когда, каким богам посвятил. Но не в этом дело. Именно в этом храме хранится то, что нужно мне. Там с незапамятных времен лежит Книга Жажды, величайшее магическое сокровище.

– Что в ней такого? – перебил Гуннар, возбужденно блестя темными глазами. – Зачем она тебе?

– Говорят, что она утоляет жажду познания, являясь неисчерпаемым источником сведений о колдовстве. А я так хочу стать магом...

– Магом? – Поднял густые брови Торвальд, став похожим на сыча, – Ты же и так – маг.

– Нет. – В сердце кольнуло холодом, и Харальд ошутил, как зашевелилось ядовитой гадиной давнее стремление, притихшее было после перехода через горы, потребовавшего столь многих смертей. – Я не маг, я – жалкий подмастерье в магии...

– Так ты хочешь стать таким, как один из Владетелей? – В словах Гуннара слышался ужас, смешанный с недоверием.

– Да. – Слово упало, подобно ледяной горе, и Харальд на миг ощутил, что он совсем один, а вокруг на сотни верст – никого, на тысячи – никого, во всем мире – никого...

– А зачем? – усмехнулся Торвальд. – Чем тебе плохо живется сейчас? Ты молод, силен и красив, жизнь наемника не скучна, приносит немало денег. Чего тебе не хватает?

– Тебе не понять, – Харалъд едва разлепил словно слипшиеся губы. – Я хочу знать, что движет стихии, как приходят к нам существа Верхнего и Нижнего миров, хочу уметь повелевать ими! Эта жажда мучительнее, чем любая болезнь, а утоление ее – слаще всего на свете!

– Похоже, ты сумасшедший, – сказал Гуннар участливо, а Торвальд попросту покрутил пальцем у виска.

– Похоже, да. – Харальд опустил голову.

– Так и пошел бы в обучение к одному из Владетелей, – поскребя в загылке, изрек Гуннар. – Говорят, они берут учеников. И не надо было бы тащиться за этой книгой.

– Я ходил, – Харальд вздохнул, и внутри шевельнулась, оскалила клыки родившаяся годы назад обида. – И они меня прогнали. Не стали учить.

– Да ладно, глупости это все, – убежденно сказал Торвальд, – Жизнь хороша и без магии. Плюнь ты на эту книгу, давай вернемся. На мой взгляд, ты и так колдун первостатейный, дальше некуда.

– Нет, я не могу, – почти прошептал Харальд. – Слишком много заплачено за то, чтобы я смог добраться сюда, сверх меры. Последним взносом стали смерти Хегни, Асира и Иареда.

– А первым? – брякнул Гуннар, и тут же скривился, поняв, что сморозил глупость. Но Харальд ответил:

– Первым было одно расставание, и я даже не знаю, что для меня больнее...

Впервые Харальц ощутил беспокойство в феврале, спустя почти пять месяцев жизни на постоялом дворе. Удлиняющийся день напоминал о том, что скоро весна, и ласки Дины перестали приносить удовлетворение.

– Что-то не так? – спрашивала молодая женщина, и в небе голубых ее глаз появлялись тучки беспокойства.

– Все хорошо, – отвечал Харальд, чувствуя фальшь в своих словах и злясь от этого.

Обострение случилось сразу после Нового года, что празднуют в начальный день весны, первого марта Ночи наполнились кошачьими воплями, сугробы исчезли за несколько дней, превратившись в воду без всякой магии. Сияющее золотом солнце пригревало, на полях появились черные кляксы грачей, и над миром воцарились весенние запахи – парящей земли, первых почек, пробуждающейся жизни.

Разговор состоялся утром, после очередной ночи страсти и нежности.

– Ты беспокоен, – сказала Дина.

Голова ее лежала у Харальда на груди, теплое дыхание щекотало подбородок. Ночь пахла блаженством.

– Да. – Врать было бесполезно.

Харальд провел рукой по мягким волосам подруги, опустил ладонь ниже, надеясь, что разговор не будет продолжен. Но надежды разлетелись брызгами лужи под сапогом.

– И в чем причина? – Дина резко села, отстраняясь от ласки. – Я тебе надоела?

В полутьме ее тело белело аппетитной пышной булкой. Харальду не надо было смотреть, он знал его в малейших деталях: шелковистая кожа, сладкая на вкус, большая упругая грудь, плоский нежный живот, пышные бедра...

Женщина, его женщина. Харальд испытал острый приступ желания. Прошептал страстно:

– Иди ко мне...

– Нет, ты ответь: я что, надоела тебе?

– Нет. – Желание пропало, погасло свечой на сквозняке. – Не надоела. Я все так же люблю тебя.

– Так в чем же дело? – Обида дрожала в голосе Дины, а глаза блестели сквозь полумрак.

– Мое стремление сильнее любви. – Харальд вздохнул. – Стремление стать магом. Да и не могу я вечно жить у тебя и жениться на тебе тоже не могу.

– Да, я понимаю. – Голос ее задрожал. – Я – худородная.

– Зато ты самая красивая женщина из всех, кого я видел, – Харальд сел, обнял подругу за плечи, – Но не в тебе дело. Просто у настоящего мужчины должна быть мечта, к которой он обязан неудержимо стремиться. Мою ты знаешь. И пока она есть, я не могу жить спокойно, даже с тобой.

– Значит, ты уедешь?

– Да, когда просохнут дороги.

– Никакой ты не настоящий мужчина, ты просто обиженный мальчишка, который стремится утереть нос родичам, доказать свою силу, – сказала она сердито. – Обычно этим занимаются лет в тринадцать-четырнадцать, а ты вот перерос.

– Может, и так, – сказал Харальд мрачно, – Только это ничего не меняет.

За окном хрипло заорал петух. Со всех концов селения ему ответили другие. Близился рассвет.

Он уехал примерно через месяц после того разговора. Над миром царило молодое весеннее солнце Золотым слитком в голубом небе оно изливало свет и тепло на землю. Орали обезумевшие птицы, и над землей плыл запах молодой зелени.

Конь, уведенный Харальдом из родного дома, за зиму отъелся и теперь недовольно всхрапывал, вновь ощутив на спине седло. Дина стояла потерянная, жалкая, словно тяжелобольная.

– Прости. – Харальд обнял ее, прижался на миг. – Но мне надо...

В сердце щемило, словно совершил какую-то пакость. С трудом вспрыгнул в седло; двигаться за период холодов отвык не только конь.

В седле постарался гордо подбочениться, но помешала боль в груди. Махнул рукой Дине, застывшей столбом посреди двора, и вместе со стуком копыт спокойная жизнь полетела в прошлое. Он вновь был в дороге, на пути к цели.

Сердце перестало ныть, словно омертвев, лишь спустя пару верст...

Давно забытая боль вспомнилась очень некстати, и Харальд, охнув, остановился. И почти сразу понял – что-то не так. За спиной сопели спутники, но зеленый лабиринт вокруг, все время пути остававшийся почти пустым, ожил. Слышался мягкий шорох, словно от множества ног.

– Слышите? – прошептал Харальд, вытаскивая меч.

– Нет, – ответил Торвальд также шепотом, – Но мне не по себе, словно кто в спину смотрит.

Колыхнулись ветви очень старой иссиня-зеленой ели, и перед путниками бесшумно возник человек. Высокий мужчина среднего возраста, сильный на вид. Темные глаза на смуглом лице смотрели спокойно, без страха, хотя никакого оружия видно не было. Тело незнакомца покрывала одежда, сшитая из шкур, добротно и красиво. Русые волосы волной падали на плечи.

Осмотрев замершую троицу, одетый в шкуры заговорил.

– Приветствую вас, чужеземцы, в землях нид, – голос его звучал ровно, спокойно, словно чужеземцы с юга – обычное дело в этих местах. В речи чувствовался странный акцент, непривычный, но не мешающий пониманию. – Что ищете вы здесь?

– Приветствую и тебя, почтенный, чье имя мне не известно, – ответил Харальд, облизав пересохшие губы.

Если честно, то встречу с северянами он представлял себе совсем не так и теперь немного растерялся.

– Мне нечего скрывать, чужеземцы, – спокойно ответил темноглазый. – Имя мое Завулон. и волею людей нид я уже два десятка лет веду племя

– Так это местный правитель! – изумленно прошептал из-за плеча Гуннар. – Вот так встреча!

– Не медлите, чужеземцы, – возвысил тем временем голос Завулон. – Отвечайте, что вам здесь нужно. А то руки моих воинов, держащих луки, могут устать.

Харальду явственно послышался среди шорохог, леса скрип натягиваемой тетивы. В горле стало сухо, горький аромат страха окутал лицо, тело непроизвольно напряглось.

– Меня зовут Харальд, – сквозь зубы ответил он. озлившись на себя за испуг. – И мне нужен храм, что стоит в пределах твоих владений, достойный Завулоя

– Вот как? – вождь нид говорил все так же ровно но в глазах его появился интерес.

– И если ты не намерен пустить нас к этому храмл то лучше прикажи воинам стрелять, – закончил смело Харальд и поднял меч.

– В этом нет нужды, – Завулон успокаивающе поднял руку, давая знак невидимым стрелкам. – Если вам нужен храм, то я не буду препятствовать. Но сначала приглашаю вас быть нашими гостями.

– Э... хорошо, – ответил Харальд несколько растерянно.

Он ожидал, что племя бережет храм, как девица невинность. Но все оказалось гораздо проще.

Они шли между двумя рядами воинов в меховых одеждах. В том, что именно воинов, – не оставалось сомнений: молодые, сильные мужчины, вооруженных с рогатинами, луками, ножами. Глаза воинов сверкали задором, они бодро орали песню, сложенную, похоже прямо на ходу:

Мы сегодня в лес ходили!
Трех зверей мы там нашли!
Не зубастых, не рогатых!
Лишь пришельцев конопатых!
Хой-я! Хой-я!

Впереди вышеупомянутых «пришельцев конопатых» шагал по-прежнему невозмутимый Завулон. На пение он не обращал ни малейшего внимания. Харальд хмурился, но молчал и время от времени удерживал от опрометчивых поступков не в меру горячих спутников, которым песня чем-то не нравилась.

Шли долго, без отдыха, и светлое пятно за серой тканью облаков, что по осени обозначает солнце, склонилось к закату. Харальд начал уставать, его так и подмывало обратиться к Завулону с вопросом «Когда же дойдем?» Но тот двигался, не сбавляя шага, и поневоле приходилось крепче сжимать зубы и идти, борясь с усталостью. Ведь если он, уже немолодой, может, то почему я не могу?

За спиной хмуро сопели спутники. Приближение обиталища племени удалось угадать по тому, что воины нид запели новую песню:

На охоту мы ходите
И не зря мы ноги били!
Все встречайте нас скорей!
Мы ведем домой гостей
Хой-я! Хой-я!

Вскоре ветер принес собачий лай, затем Харальд учуял запах дыма. Они миновали пригорок, густо поросший молодыми елочками, и вышли к становищу. В первый миг Харальд, а с ним и спутники раскрыли рты. Такого видеть им еще не приходилось

На берегу большого серебристого озера возвышались темными конусами островерхие жилища. Позже Харальд узнал, что они называются юртами и делаются из шкур. Там и сям горели костры, виднелись человеческие фигуры.

Миг – и людей окружило несколько десятков псов. Огромные, мохнатые, с острыми ушами, они злобно скалили желтые клыки и свирепо лаяли. Харальд схватился за оружие, но воины нид не дали в обиду гостей. Они пустили в ход древки рогатин, и свора, скуля и подвывая, отпрянула.

Сопровождаемые собаками, мужчины вошли в становище. Воняло здесь ужасно: прогорклым рыбьим жиром, сгоревшим мясом и еще чем-то, незнакомым, но тоже очень неприятным.

Взрослые встречали появление чужаков без интереса. Останавливали на миг взгляд и уходили, исчезая меж островерхих жилищ. Зато дети сразу сбились в галдящую толпу и пошли вслед за пришельцами, громко хихикая. Но стоило Завулону обернуться, нахмурить брови, как топот многих маленьких ножек тут же стих вдали.

Воины постепенно отставали, и вскоре с чужаками остался лишь сам вождь, да еще с пяток наиболее крепких парней. Они прошли через все становище, и остановился Завулон лишь у самого крайнего строения, стоящего немного на отшибе. Над входом в него были закреплены огромные лосиные рога.

Из-за шкур послышался кашель, полог поднялся, и очам мужчин предстал древний старец, сгорбленный, словно старый гриб. Одежда его была увешана множеством фигурок зверей и людей, вырезанных из кости. В руке он держал палку с закрепленной на конце вороньей головой. Глаза птицы блестели, и казалось, что она внимательно следит за происходящим.

– Привет тебе, колдун, – сказал Завулон торжественно.

«Колдун, маг» – Харальд нахмурился, и сама собой вспомнилась первая, пусть и неполноценная, встреча с настоящим волшебником.

Людей, обладающих магическими способностями, не так много, настоящих магов – и того меньше. Тех же, кто добрался до власти, вообще единицы. Именно их, повелевающих сотнями родовитых, и называют Владетелями. Между Владетелями поделены почти все обитаемые земли, им платят дань и дают войско даже самые могучие из родовитых, именно сильнейшие маги начинают и ведут войны. К одному из Владетелей в ученики и стремился Харальд.

Живут истинные владыки мира в основном в замках, словно обычные люди. Так, по крайней мере, думал Харальд. Пока не добрался до обиталища Владетеля северо-восточных земель, Свенельда, вассалом которого, собственно, и является род Тризов.

Последний раз юноша спросил дорогу всего пяток верст назад и очень поразился, когда из-за поворота появилась небольшая деревенька, не имеющая ничего общего с могучим замком, что рисовался в воображении. Серые убогие дома, пестрые коровы на зеленой лужайке, запах навоза.

Сдерживая гнев (неужто его обманули?), Харальд остановился и постучал в ворота крайнего дома. За забором басовито залаяла собака, послышался скрип двери. Затем калитка распахнулась, и глазам путника предстал тщедушный селянин. Голубые глаза его лучились хитростью, а соломенного цвета волосы и борода торчали в стороны, придавая лицу мужика сходство с солнцем.

– Что угодно родовитому господину? – спросил селянин, с ходу распознав, кто перед ним.

– Скажи, – чуть высокомерно ответил Харальд. – Как мне доехать к замку мага?

– Э, – крестьянин покопался в соломе, заменяющей ему волосы. – Так нет у него замка-то. А живет он там, в лесу. Вон за домом Кривого Хегни тропка начинается!

Грязная рука поднялась, указывая путь.

– Вот туда и езжайте, родовитый господин. Харальд вскочил в седло и двинулся к дому Кривого Хегни.

За ним обнаружилась тропка. Неприметная, она обезумевшей змеей вилась среди исполинских дубов. Меж ветвей беспечно перекликались птицы, а Харальд все пытался осмыслить слова светловолосого, «Нет замка – это как? – думал он, предоставив коню самому выбирать тропу. – Что-то этот холоп путает».

Так ничего и не решив, Харальд обогнул очередной темно-коричневый ствол, и обнаружил, что тропка закончилась. Он остановился и оторопело посмотрел вперед: посреди небольшой полянки, заросшей изумрудно-зеленой травой, стоял дом. Добротно срубленный, большой. Но – не замок! Ничего похожего! Над поляной порхали желтые бабочки, разносился аромат цветов.

Харальд завертел головой, пытаясь отыскать путь в обход. Но тропа утыкалась в сочную густую траву и бесследно исчезала, а вокруг поляны сомкнутым строем стояли деревья, вперемешку, так, как никогда бы не выросли в настоящем лесу. Дуб рос рядом с елью, а березе сопутствовала ива.

Разочарованно вздохнув, Харальд двинул коня по траве. Ну что же, почему бы Владетелю и не жить по-особенному?

У двери спешился, постучал. Послышались шарка юшие шаги, и в дверном проеме возник тщедушный старикашка. Он молча смотрел на юношу, и в пустых, каких-то рыбьих его глазах не выражалось ничего.

– Доброго дня, – проговорил Харальд, борясь с волнением. – Я к господину магу.

– Он не примет тебя, – ответил старик тихо.

– Как же, – горячо затараторил юноша. – Я же в ученики хочу, я же не с плохими намерениями,

– Это понятно, – седая голова слегка качнулась, послышался тихий вздох. – Имей ты злые помыслы, деревья бы не пропустили тебя.

– Ну так вот, – надежда клокотала в груди весенним ключом. – У меня есть способности. Я умею!

– Увы, это ничего не меняет, – старик пожал плечами. – Свенельд не примет тебя. Он не принимает посетителей, пришедших без приглашения, и не берет учеников. И не упорствуй, а то разозлишь его.

Дверь закрылась. Спазм сжал Харальду горло, хотелось кричать и одновременно плакать. Ясный день для него потемнел, словно на солнце набежали тучи. Сбежать из дому, проехать десятки верст, чтобы тебя не пустили на порог?

Он ехал по лесу, возвращаясь, и черное пламя обиды полыхало в душе. Огонь разочарования и гнева...

Гневом полыхнули глаза Харальда, и он резко сказал:

– Зачем ты привел нас к колдуну, почтенный Завулон? Разве мы не твои гости?

– Не гневайся, южанин, – глава нид вновь пожал плечами. Похоже, этот жест являлся для него привычным. – Мудрый Фарра сам просил привести вас.

– Что? Как? – в три голоса загалдели пришельцы. – Он знал о нашем приходе?

– Плохой я был бы колдун, если бы не смог провидеть приход чужаков, – вмешался в разговор старик. Голос его оказался неожиданно силен и чист, серые глаза светились умом. – Проходите в юрту. Пока вам готовят жилище, побеседуем.

Фарра первым пролез в отверстие, заменяющее дверь Харальд последовал за ним. Внутри оказалось просторно, в центре находился небольшой очаг, дым от которого лениво уползал в отверстие на самом верху. Висящие на стенах пучки сушеных трав издавали сильный, но приятный запах. Одно неудобно – сидеть пришлось прямо на полу, точнее – на расстеленных шкурах. Стулья и лавки, судя по всему, нид были неизвестны.

Колдун устроился напротив Харальда, а Завулон сел у двери.

Некоторое время молчали, затем старик заговорил, и вновь сила его голоса поразила Харальда.

– Да, я узнал о том, что вы придете, два дня назад. Духи открыли мне, что люди перешли горы и идут на север. И еще они открыли, что среди чужаков один-колдун, – при этих словах Фарра посмотрел на Харальда. В глазах вороньей головы мелькнула насмешка. Отпираться было бессмысленно.

– Я не колдун, – слова лезли из горла неохотно, приходилось делать определенное усилие, чтобы говорить, – Но кое-что умею.

– Не важно, кем ты себя считаешь, – наставительно заметил Фарра, а Завулон кивнул. – Важно – кто ты есть. Но не об этом речь. Мы говорим о том, с какой целью вы пришли.

– Я предпринял это путешествие, чтобы посетить храм, который находится во владениях нид, – Харальд старался говорить так, чтобы ненароком не разозлить или не обидеть хозяев. Кто их знает – дикарей? – И об этом уже сообщил почтенному Завулону.

– Хорошо, – кивнул колдун. – Храм. А что именно интересует пришельцев с далекого юга в храме? Или вы хотите воззвать к богам в их земном обиталище?

– Мне нужна... – Харальд на миг замялся, но понял, что скрыть цель визита все равно не удастся, – книга, что находится в этом храме.

– Вот как, – колдун нахмурился, глаза его потемнели. – И откуда ты, южанин, знаешь об этой книге?

– Мне рассказал о ней выходец из вашего племени, которого я встретил далеко на юге.

– Высокий, рыжеволосый, со шрамом на виске? – вмешался в разговор вождь.

– Да, – кивнул Харальд. – На юге он известен как Авимелех Жестокий.

– Имя можно сменить, – прошептал Завулон, а Фарра спросил насмешливо:

– И много ли смог рассказать сей недостойный?

– О том, что книга есть, что она в настоящий момент в храме, и немного – о ее свойствах.

– Ну что же, – помолчав, сказал Фарра. – Ты добрался до нас, и многим пожертвовал, и воспрепятствовать тебе я не могу. Но рассказать о том, что представляет собой Книга Жажды – должен. Может быть, тогда ты откажешься от этого безумного желания.

– Это вряд ли, – холодно ответил Харальд. – Но буду очень благодарен за новые сведения.

– Слушай же, – глаза старика потускнели, голос зазвучал глухо и монотонно. – Племя наше пришло в эти места полторы тысячи лет назад, придя с юго-востока и отделившись от родичей, которые заняли земли южнее гор. Посреди озера, что находится севернее нынешнего становища, они обнаружили храм. Колдун зашел в него и нашел там книгу. И было ему видение, и хозяин храма говорил с ним.

Фарра прервался, и тишина повисла в юрте, странная, пугающая. Харальд услышал, как нервно возится Торвальд.

– И узнал колдун, – слова падали веские, будто каменные глыбы, заставляя плечи сгибаться под тяжестью знания, – что книга эта – Книга Жажды, и в силах ее утолить любую жажду познаний, даже самую сильную. Но не рискнул сам он взять книгу и потомкам своим запретил. Страшную цену платит владелец Книги за то, что из нее узнает. Полторы тысячи лет храним мы знание об этой книге, но несколько раз находились люди, желающие завладеть ею. Надо сказать, что взять ее может только человек, обладающий магическими способностями, обычный же смертный погибнет на месте. Многие нашли смерть в храме, но четверо добрались-таки до Книги. Двое из нашего племени и двое южан, таких, как и ты. Откуда они узнали о Книге – мне неведомо.

– И что случилось с теми, кто Книгу взял? – спросил Харальд, сдерживая нетерпение.

– Они все прожили недолго. Каждый стал великим магом, но не проходило и десяти лет с момента, как Книгу брали из храма, и она вновь оказывалась на прежнем месте. Владельцы ее погибали, и очень плохой смертью.

– Почему? Как? – вопросы посыпались из Харальда, словно крупа из дырявого мешка.

– Не могу сказать, – старик усмехнулся, показав желтые острые зубы. – Кто владел Книгой – ничего не расскажет, а кто не владел – ничего не знает.

– Я все равно пойду за ней. – голос Харалъда звучал непреклонно, в голубых, странно скошенных глазах застыл лед, и нид поняли, что спорить бесполезно.

– Мы не будем тебе препятствовать, – глухо сказал Завулон. а Фарра кивнул. – Но вам придется погостить у нас до зимы. В храм можно попасть только по льду.

Глава 3

Магия – познание начал и путей, при помощи которых всеведение и всемогущество духа, и власть над силами природы могут быть приобретены человеком.
Елена Блаватская

Когда мужчины вышли из юрты, над миром воцарилась ночь. Запахи становища, такие сильные и навязчивые при свете дня, попрятались и почти не напоминали о себе. Холодный ветер нес сырость и запах хвои. Шум колышущихся деревьев причудливо переплетался с плеском озерных волн.

– Сейчас вас проводят к отведенному для гостей жилищу, – сказал Завулон, махнув рукой куда-то во тьму. Из мрака тотчас соткалась стройная фигура.

– Все готово, – произнес молодой, звонкий голос

– Хорошо, – кивнул вождь и обернулся к чужакам. – Идите за ним.

Харальд уже собрался последовать за спутниками, когда кто-то придержал его за рукав. Харальд оглянулся, не скрывая изумления. Фарра в ответ хитро улыбнулся, и спросил шепотом:

– Почему, когда тебе сказали, что я колдун, ты так разозлился?

– От предыдущих встреч с магами у меня не осталось приятных воспоминаний, – Харальд резко освободился и зашагал за провожатым куда-то во тьму.

Неудачу, что подстерегла его у Свенельда, Харальд переживал недолго. Утешил себя тем, что и среди магов, как и меж обычных людей, встречаются самодуры и идиоты. После чего направился на юг, к резиденции другого Владетеля, более, как хотелось верить, гостеприимного. Этот маг, что живет далеко на юге, почти у самого моря, известен под именем Иссахар.

Дни сменялись днями, лето вступило в полную силу, а Харальд все ехал, мозоля задницу в седле с раннего утра до поздней ночи. Солнце немилосердно палило, и в полях, лесах, и вдоль дорог, повинуясь ему, распускались разнообразные цветы: алые, словно кровь, желтые, как речной песок, голубые, будто небо. Голова дурела от ароматов, а обезумевшие пчелы едва могли летать, таская непомерный груз пыльцы.

Идиллию нарушали люди. Хмурые селяне смотрели на одинокого всадника с удивлением, а города и замки Харальд старался объезжать, помня об алчности родовитых и их стражников.

Но если тело и душа переносили путешествие наилучшим образом, то одежда и обувь нуждались в замене, и в один не очень прекрасный день Харальд скрепя сердце не стал сворачивать с большака, ведущего к очередному городу, и вскоре из-за поворота показались темные башни крепостной стены.

Подъехав ближе, путешественник обнаружил, что меж башен имеются открытые ворота, охраняемые некоторым количеством стражников, а над зубцами, высоко-высоко, вьется по ветру стяг с изображением золотого цвета лисьей морды на синем поле. Помянув добрым словом наставления по геральдике, что некогда казались столь нудными, Харалъд вспомнил, что Золотой Лис – герб рода фон Вархи, что приходится вассалом Владетелю Иссахару.

Стражники встретили странника неприветливо. Едва Харальд появился в воротах, его окликнули:

– Эй, ты, на гнедом жеребце, стой! Харальд медленно повернул голову, спросил надменно:

– В чем дело?

Стражники на горделивый тон не отреагировали никак. Золотой Лис равнодушно смотрел с синих накидок, что носят поверх панцирей, на красных толстых рожах гуляли свирепые ухмылки.

– Кто таков, и по какому делу? – подошедший к Харальду детина, судя по всему – десятник, так разил чесноком и пивом, что конь испуганно всхрапнул. Глаза доблестного воина, цвета протершейся медвежьей шкуры, смотрели тупо, в них угадывалось лишь одно – алчность.

– Харальд из Фенри, – ответил юноша, назвав в качестве места проживания ближайший к родному замку город. – Путешествую по собственной надобности.

– Ага, – детина осклабился, испустив новую волну аромата, такую, что поморщился бы и демон. Харальд усидел в седле с изрядным трудом. – Но в славном городе Гандри не положено ездить верхом и за въезд полагается пошлина.

Харальд нахмурился. Врожденная гордость, спесь родовитого, впитанная с молоком, бунтовала, не желая смириться с тем, чтобы кто-то, пусть даже имеющий на это право, что-то запрещает!

Одолеть гордыню удалось с изрядным трудом. Сжав зубы, Харальд спрыгнул с коня.

– Сколько? – спросил брезгливо, словно разговаривал с болотной жабой.

– С простого человека я бы спросил серебряную монету, – Десятник с ужасающим хрустом поскреб подбородок, заросший густой черной щетиной, – Но со столь родовитого не могу не взять золотой.

За спиной десятника загоготали дружки. Путник молчал, и это подвигло остроумца на новую шутку.

– А коли нечем заплатить, – багровое лицо украсила щербатая улыбка, – то мы не неволим, силой в город не тащим.

Стражники захохотали вновь, но смех их почти сразу стих, потому что приезжий с белыми, словно молоком облитыми волосами оказался очень близко от десятника Голубые глаза горели гневом, а в руках пришелец держал меч, настоящий, из хорошей стали, что стоит больше, чем обученный для боя конь. Голос беловолосого был холоден, словно лед. – Ты прав, доблестный страж. – сказал он сквозь зубы. – Я человек родовитый, и поэтому заплачу. Будь я попроще, то перерезал бы тебе глотку.

Меч исчез в ножнах, в серую пыль шмякнулась золотая монета, и стражники с облегчением перевели дух. Светловолосый, ведя на поводу лошадь, вошел в город, а несколько струхнувший десятник долго глядел ему вслед, гадая, с кем ему пришлось иметь дело. Одет не в новое, да и путешествует без свиты. А родовитый, даже самый завалящий, без слуг из замка носу не покажет. Но меч! В оружии десятник толк понимал.

Решил, что встретился с наемником, выходцем из знатной семьи, зарабатывающим на жизнь клинком. Придя к такому выводу, вздохнул с облегчением. Наемники славятся вспыльчивостью и жестокостью. Мог жадный десятник и без руки остаться, и без ноги...

Город принял путника в необъемное каменное чрево и мгновенно переварил, словно огромная сова мышку. Улицы кишели народом, и пробираться удавалось с большим трудом. Над толпой стоял неумолкающий крик и скрип телег, пахло нечистотами, откуда-то, похоже, что с улицы шорников, доносился резкий аромат кож. Бродячие собаки, наглые и тощие путались под ногами.

Харальд зашел к портному, затем к сапожнику, напоследок посетил цирюльника. Переодевшись в новое, почувствовал себя человеком, но кошелек при этом существенно отощал.

Напоминавший при выезде из дома брюхо обжоры после трапезы, теперь он походил на утробу нищего. Несколько монет еще таились в его глубинах, но проехать на эти деньги несколько сот верст, что остались до резиденции сюзерена хозяев славного города Гандри, никак не получится.

Обуреваемый мрачными мыслями, Харальд зашел в корчму. После залитой солнцем улицы здесь показалось темно, зато запахи витали более приятные – мяса и каши.

Устроился за столиком у стены и вскоре получил большую кружку пива с белоснежной шапкой пены.

Напиток оказался хорош, он отдавал хмелем и отвлек Харальда от забот насущных.

Когда он сделал несколько глотков, входная дверь хлопнула, и лавки около соседнего стола заскрипели под тяжестью вновь прибывших. Харальд посмотрел в их сторону: двое дородных, осанистых мужчин, украшенных окладистыми бородами и шитыми золотом поясами. Скорее всего, купцы. Третий – смуглый и поджарый, с изогнутым мечом на поясе – охранник.

Пиво в кружке казалось уже не столь вкусным, как после первого глотка, и Харальд, волей-неволей вынырнув из собственных невеселых мыслей, прислушался к разговору соседей.

– Ох, грехи наши тяжкие. – Вздохнул один из купцов, тот, что сидел ближе к двери. – Пошлины растут, на востоке опять свара меж родовитыми. Возить товары все труднее.

– Да, и не говорите, почтенный Левий, – сокрушенным басом подтвердил собеседник. – Одни убытки. Владетель Иссахар, да живет он вечно, – тут купец перешел на шепот, – совсем не следит за вассалами.

– А что? Дерут много? – В вопросе прозвучало знание дела.

– Нет, друг мой. Разбойники. Никто их не ловит, И эти твари окончательно распоясались. А охранники стоят дорого.

– Воистину, правда, почтенный Кьетиль, – Левий шумно отпил из кружки. – И после этого господа, жирующие за стенами замков, удивляются, что товары дорожают.

– Да, страшные времена. – Кьетиль яростно засопел, негодуя. – Вот я отправляюсь на юг, но и там, у самого замка Владетеля, свирепствуют лихие люди.

– Неужели? – в ужасе воскликнул Левий.

Дальше Харальд слушать не стал. В голове крутились обрывки подслушанной беседы: «отправляюсь на юг... резиденция Владетеля...» Понимая, что такой шанс упускать нельзя, он встал и направился к купцам. Те тут же смолкли, настороженно глядя на незнакомца, а охранник буквально впился карими глазами ему в лицо.

– Прошу прошения, уважаемые, что вмешиваюсь в ваш разговор, – заговорил Харальд и поклонился, – но я случайно услышал, что вы отправляетесь на юг. Не найдется ли в вашем обозе места для одинокого путника?

Купец, именуемый Кьетилем, оказался рыжебород и лохмат. Глаза его блестели недоверчиво.

– Прости, почтенный, не знаю твоего имени, но я не беру с собой первых встречных, – пробасил он. Чернобородый Левий кивнул и вновь потянулся к кружке.

– Меня зовут Харальд, Харальд из Фенри, я человек родовитый, а вовсе не первый встречный, – гордо ответил юноша

– Прекрасно. – Кьетиль пожал плечами. – Но мне это имя ни о чем не говорит. Даже если я и соглашусь взять тебя, то найдется ли в твоих карманах полтора десятка золотых монет, чтобы оплатить проезд?

– Увы, нет, – Харальд помрачнел. Гордость ревела внутри раненым зверем, восставая против службы за деньги. Но фон Триз сумел пересилить себя. – Но меч на моем поясе висит не зря, а вам, насколько я понял, нужны охранники.

– Да... – судя по выражению лица, рыжебородый хотел сказать что-то нелицеприятное, но его остановил товарищ.

– Стой, – сказал Левий, кладя руку на плечо другу. – Тебе пригодится еще один воин. Пусть Асир, – последовал кивок в сторону смуглого телохранителя, – проверит его, и тогда посмотрим.

– Хорошая идея, – Кьетиль усмехнулся и смерил Харальда взглядом. – Ты, беловолосый, сразись с Асиром, и если продержишься достаточно долго, то тогда и поговорим. Идет?

– Идет, – угрюмо ответил Харальд. Вот и выпал случай доказать, что не зря он с семи лет упражняется с оружием.

Кьетиль крикнул хозяина. Тот, когда узнал, что в его заведении хотят устроить поединок, побелел и затрясся. Лишь пара золотых монет помогла ему преодолеть страх.

Сдвинули столы, и посреди корчмы образовался пятачок примерно две на три сажени. Бойцы разделись по пояс и встали напротив друг друга. Оба поджарые, стройные, Асир немного выше. Смуглый телохранитель, что служил у Кьетиля более года, мог олицетворять жителей юго-восточных земель, что некогда пришли из бескрайних степей. Темноволосый, темноглазый, он был плоть от плоти тех мест. Чужак же, чья кожа белела в полумраке, а светлые волосы, собранные в хвост, болтались за спиной – типичный северянин, выходец из бескрайних лесов северо-запада.

Лезвия клинков блеснули: слабо изогнутое – у Асира, прямое – у его противника. Бойцы отсалютовали друг другу и сошлись. Помещение сразу наполнилось звоном и топотом

Поначалу Асир теснил белокожего, и у того на плече даже показалась кровь. Но затем чужак оправился и стал защищаться более уверенно. Клинки мелькали со скоростью летящего стрижа, и силой мельничных крыльев. Бойцы тяжело дышали, пот струился по мускулистым телам. Но на всякую атаку Асира, подобную змеиной по смертоносности и точности, находилась защита крепче любого доспеха. Лишь опытный глаз мог бы заметить, как непросто приходится светловолосому.

Наконец Асир отступил на шаг и поднял руку. Противник его замер, настороженно поводя лезвием. Грудь его вздымалась.

– Что такое? – Кьетиль постарался подпустить в вопрос побольше недовольства, а брови грозно сдвинул.

– Я мог бы победить его, – сказал Асир четко. – Но для этого мне пришлось бы драться насмерть.

– Что же, – купец повернулся к северянину, все еще ожидающему решения своей участи. – Возьму с собой, но денег ты не получишь.

– Идет. – Светловолосый опустил меч и улыбнулся с таким облегчением, словно узнал о разрешении от бремени любимой жены.

– И зачем тебе надо на юг, Харальд из Фенри? – спросил Кьетиль, подходя к новому охраннику.

– Мне надо к Владетелю, – попросту ответил молодой воин, надевая рубаху.

Ответ его заставил купца замереть с раскрытым ртом.

Асир по прозванию Молчун, с которым Харальд познакомился довольно необычным способом, оказался начальником стражи. После поединка он проникся к новичку уважением и быстро пресек начавшиеся по его поводу среди охранников шутки и пересуды. А утром следующего дня обоз Кьетиля Рыжебородого вышел из ворот славного города Гандри, направляясь на юг. Золотой Лис ехидно, словно издеваясь, скалился со штандарта вслед уходящим.

Харальд оказался восьмым в небольшой компании охранников. Днем он, как и остальные, ехал возле обоза, зорко глядя по сторонам и держа ладонь на рукояти меча. Половина ночи отводилась на сон, другую приходитесь стоять в карауле, вслушиваясь в ночные шорохи и птичьи вопли.

На третий день пути, когда въехали в необычно темный для столь южных мест лес, забеспокоился Асир. О чем-то переговорил с хозяином, и стражникам велели удвоить бдительность.

Харальд ехал чуть позади середины обоза, с правой стороны. В один миг ему показалось, что среди зелени мелькнуло что-то черное, и тут же донесся слабый хлопок. Резко пригнувшись, он избежал стрелы, но за ней спешили другие. Лес вокруг наполнился свистом и улюлюканьем.

Возницы, опытные люди, как один, ударили бичами, и лошади пошли быстрее, выводя обоз из-под стрел Впереди суетился и громогласно орал что-то Кьетиль, аккомпанементом ему служил свист стрел. На счастье, стреляли разбойники из рук вон плохо.

Позади обоза рухнуло с отвратительным скрипом поваленное дерево. Шум его падения на миг заглушил крики людей и лошадиное ржание.

Затем отряд вырвался из засады, и в этот момент Харальд очутился рядом с Асиром. Тот казался спокойным, лишь чуть более резкие, чем обычно, движения выдавали волнение.

– Интересно, почему они не уронили дерево спереди? – спросил старший охранник тихо, словно у самого себя.

– Что? – вскинулся Харальд, решив, что начальство обращается к нему.

В темных глазах южанина плавало удивление.

– Они могли уронить пару бревен впереди нас и запереть в ловушке, – ответил он терпеливо. – Но не сделали этого. Почему?

Оставив Харальда в недоумении, Асир поскакал в голову колонны.

Лес впереди разбежался в стороны, обнажив неширокую прогалину, изрядно истоптанную. Многоголосый вопль, раздавшийся при виде этой обычной, с принципе, картины, заставил Харальда подпрыгнуть в седле.

Когда он подъехал ближе, то понял, чего испугались спутники. Обычная речушка, которая только и может, что тихо журчать, сейчас ярилась и бурлила, словно свирепый горный поток. Огромные массы белесой воды обрушивались на берег жадными могучими руками, заставляя землю вздрагивать.

Повозки сгрудились на берегу. Возницы не решались переправляться.

– Тут же брод – курице по колено! – стонал Къетиль, обхватив рыжую голову руками, – А что это? Почему?

– Я слышал, что в одной из разбойничьих банд есть маг, – сказал Асир, катая желваки на скулах, – Похоже, это правда.

Харальд вгляделся в бушующую стихию. В струях угадывались очертания текучего, искаженного болью и яростью лица. Оставалось лишь удивляться, почему другие этого не видят.

Юноша пригляделся еще раз: так и есть – водянец, стихийное существо, чужой волей принужденное мутить воду. Можно было биться об заклад, что на десяток сажен в любую сторону от переправы река спокойна, словно сытый и сухой младенец.

– Что будем делать? – спросил купец убито. Глаза его блуждали, губы кривились. Похоже, он уже смирился с потерями.

– Отбиваться, – пожал плечами невозмутимый Асир. – Повозки полукругом поставим, и...

– Я могу помочь, – сказал Харальд, набравшись решимости.

– Чем? – брови Кьетиля взлетели, подобно стрижам. Асир посмотрел на выскочку с недоумением.

– Я немного знаю магию и смогу смирить реку.

– Вот как, – купец поскреб подбородок. – Ладно, действуй.

Асир побежал к телегам, на ходу выкрикивая приказы. Харальд спешно вспоминал ритуал, простой, как все действенное, некогда вычитанный в старой книге. Искать ее саму в седельных сумках времени не было.

Он изобразил на земле кончиком меча рисунок.

Не правда, что магические чертежи рисуются только кровью младенцев, рожденных девственницей. Чертить можно чем угодно, главное – чтобы это делал маг, ну, или тот, кто обладает способностями мага. Треугольник, вписанный в круг, занялся бирюзовым пламенем, когда Харальд поместил в его центр знак Истинного Алфавита, означающий Воду. Острие треугольника направил на реку, где бесновался в путах чужого заклятия, причиняющего боль, водянец. Освободить стихийное существо из искусственно созданной клетки не так сложно. Гораздо проще, чем его туда загнать.

Не обращая внимания на начавшийся бой, Харальд встал в центр чертежа и зажмурился Тусклое сияние рисунка проступило сквозь мглу, впереди обозначилась клубком спутанных волос туша водяного создания. Волосы эти постоянно шевелились, и при некотором усилии на водянце можно было рассмотреть чужое заклятие, словно широкие темные ремни.

Рядом свистнула стрела, Харальд дернулся, но устоял на месте. Сжав зубы, сосредоточился. От напряжения заныли кости черепа.

Преодолевая ежесекундный страх боли, что причинит ударившая в спину стрела, Харальд начал читать заклинание. Говорил вполголоса, и в такт словам линии рисунка то вспыхивали, то гасли. В нос лез запах рыбы и водорослей, клубок волос судорожно дергался, словно скопище червей, попавшее под одновременный удар сотен лопат.

Спина молодого заклинателя покрылась потом, и он на миг ощутил себя стоящим под водопадом. И тут же треснула сеть, что сковывала водяное создание. Рисунок вспыхнул напоследок и погас.

Харальд открыл глаза. На темной земле не осталось и следа от рисунка, а вода, ворча, словно потревоженный медведь, входила в русло. Вскоре от яростного потока остался крупный ручей нескольких сажен в ширину. Солнце высвечивало желтый песок на дне, над ним сновали серебристыми молниями рыбки.

Сил не осталось, желания двигаться – тоже. Харальд стоял и безучастно смотрел, как телеги переходят речушку, погружаясь в воду до половины колеса. Затем кто-то сунул ему в руку повод и он сам не понял, как оказался в седле.

Вода под копытами плескала весело, гладила бабки скакуна.

Позади что-то разочарованно вопили разбойники.

На ночевку встали в большом селе, первом после перехода через почти безлюдные земли. Здесь жизнь текла мирно, мычали коровы, кудахтали куры, собаки заливались дурашливым лаем, радуясь жизни. Над селением стелился запах свежеиспеченного хлеба.

После ужина к Харальду подошел Кьетиль, собранный и сосредоточенный. Неразлучной тенью за нанимателем следовал Асир.

– Послушай, северянин, – пробасил купец. – Пойдем, поговорить надо.

Они отошли от костра, у которого сидели охранники и возчики. Глаза Кьетиля настороженно блестели во мраке.

– Я не знаю ничего о том, кто ты такой, – сказал он веско. – И не хочу знать. Не желаю знать о том, что за дела у тебя к Владетелю и откуда ты знаешь магию. Понял?

– Да, – несколько ошеломленно ответил Харальд, пытаясь понять, куда клонит рыжебородый.

– Так вот, и ты не упоминай о моем существовании, когда Владетель будет тебя допрашивать, – купец выставил перед собой руки, словно защищаясь. – Вольных магов никто из Владетелей не жалует, и наш – не исключение.

– Вы думаете, он ко мне отнесется плохо? – спросил Харальд удивленно.

– Ты – его прямой враг, возможный соперник в борьбе за власть. – В голосе купца звучало еще большее изумление. – Неужели ты этого не понимаешь?

– Я думал... – начал было Харальд, но замялся. – Ладно, отступать поздно.

– Ну, как знаешь, – покачал головой купец, и во взгляде его родилось нечто вроде сочувствия.

Замок Владетеля Иссахара возвышался на холме, подобно черному исполинскому наросту. Мрачно смотрелись высокие башни, и зловеще колыхался над ними флаг – простой, без герба. На фоне пронзительно голубого неба цвет флага различался с трудом, из чего Харальд сделал вывод, что он близок к лазурному.

Путешественник распростился с обозом Кьетиля в небольшом городке в двух часах езды от замка и дальше добирался в одиночестве. Теперь он стоял у подножия холма, не решаясь подняться. Желтая змея дороги поднималась на холм и обвивала замок по ходу солнца, на стенах мелькали искорки, яростное летнее солнце отражалось на доспехах стражи.

Наконец набравшись духу, Харальд пришпорил скакуна. Копыта стучали равномерно, замок приближался. Вблизи стены выглядели еще внушительнее. Темными мрачными утесами возносились они, и казалось, что нет силы, которая сможет повергнуть такую мощь.

Со стен наверняка следили за одиноким всадником, но никак не препятствовали, и Харальд быстро добрался до ворот. Исполинские створки темного дерева оказались открыты, и путь во двор преграждала лишь металлическая решетка. Сквозь нее виднелся внутренний двор, заросший чахлой травой, и серое основание главной башни.

Харальд слез с лошади и постучал в калитку рядом с основными воротами. За ней послышалось недовольное ворчание, затем дверь отворилась, и взгляду юноши предстал стражник, огромный и толстый, словно сорокаведерная пивная бочка. Его маленькие серые глазки недовольно сверкали с украшенного белесой щетиной лица. В руке страж держал алебарду, столь огромную, что казалось, на нее пошел цельный сосновый ствол.

– Чего тебе? – проворчал великан неприветливо. Пахло от стража потом. Еще бы, в такую жару – и в доспехах.

– Мне надо к Владетелю, – ответил Харальд, немного робея.

– Чего? – глаза владельца алебарды стали огромные, как у коровы. – К Владетелю?

– Да, – ответил фон Триз, стараясь говорить твердо и уверенно

– К Владетелю... – повторил великан и вдруг заревел. – Эй, Торкель, иди сюда!

– Чего тебе? – раздался из-за открытой двери недовольный писклявый голос.

– Иди, не пожалеешь, – ответил здоровяк, и лицо его при этом странно кривилось.

Второй стражник оказался невысок, но чудовищно широк в плечах. Светлые, почти как у Харальда, волосы свободно падали ему на плечи.

– Торкель, этот парень просится к Владетелю, – из последних сил сдерживая смех, произнес великан. – Это лучшая шутка за все время, что я здесь служу!

Широкоплечий улыбнулся, затем захохотал, обнажив ровные белые зубы. Первый же стражник смеялся страшно. Он стонал от смеха, взревывая, словно разъяренный бык. Алебарду вынужден был прислонить к решетке.

Торкель, отсмеявшись, обошел хохочущего товарища.

– Иди, парень, отсюда, – сказал Харальду серьезно, без улыбки. – К Владетелю никто не приходит сам, тех же, кто может прийти, мы знаем в лицо.

– Иди, – сопя и отдуваясь, поддержал соратника великан. – А то...

Стражник оглянулся на двор, словно что-то услышав, и смех тут же исчез, умолк плачем задушенного младенца. Дерево алебарды мгновенно перекочевало в толстые, как сосиски, пальцы, и стражник вытянулся, словно на смотре. Рядом с напарником изваянием застыл Торкель.

От главной башни шел человек. Невысокий, худощавый, в простой одежде. Черные волосы торчали, словно никогда не ведали гребня, голубые глаза светились на желтом, словно изможденном лице.

Человек подошел к решетке. Стражники замерли, боясь даже дышать. Харальд на всякий случай отступил на шаг, поближе к лошади. В груди мокрой жабой ворочалось беспокойство.

– Пропустите его, – сказал желтолицый стражникам, затем посмотрел на Харальда, В ледяных глазах на миг мелькнула усмешка, бледные губы сложились в улыбку. – А ты – иди за мной.

Юношу пробрала дрожь под пронизывающим взором, и он нашел силы только кивнуть. Взял лошадь за поводья и вслед за молчащими и серьезными стражниками прошел на территорию замка. За спиной со скрипом закрылась дверь, отрезая дорогу к отступлению.

– Лошадь отдай им, – махнул рукой черноволосый и зашагал в глубь двора, не сомневаясь, что приезжий последует за ним.

Харальд отдал повод в потные руки Торкеля и зашагал вслед за незнакомцем. Сухая трава неприятно шелестела под сапогами, из замковой кузни доносились удары молота по металлу и тянуло дымом.

Они миновали дверь, за которой раздавался шум множества голосов, стали подыматься по серой каменной лестнице, ведущей на верхние этажи донжона. Здесь оказалось тихо и прохладно, толстые стены отражали звуки и солнечный свет с такой легкостью, с какой отразили бы и нападение врага.

Еще одна дверь, охраняемая стражей, и Харальд очутился в большой комнате: вместо узких бойниц здесь оказались окна, и пылинки неторопливо перемещались в желтых лучах солнца. За исключением стола в центре и кресел вокруг него, комната была пуста. Стены украшали богатые ковры со сценами охоты, в воздухе витал слабый запах каких-то благовоний.

Хозяин, – теперь Харальд не сомневался, кто перед ним, – уселся в кресло черного дерева с высокой спинкой.

– Садись и ты, – сказал равнодушно, указывая на такое же кресло напротив.

Сиденье оказалось жестким, но довольно удобным. Дерево холодило тело даже сквозь ткань, но после уличной жары это показалось даже приятным.

– Я, как ты понял, хозяин этого замка, – сказал Владетель, и кривая усмешка украсила его лицо. – Так что рассказывай, зачем явился?

– Я хочу, чтобы вы взяли меня в ученики, – решительно ответил Харальд.

– В ученики? – неопределенно хмыкнул Иссахар. – А зачем?

– Я хочу быть магом! – Упрямство так явно прозвучало в словах юноши, что маг посмотрел на него с интересом.

– А сможешь ли ты им быть? – спросил он, поглаживая гладко выбритый острый подбородок.

– Я смогу! – загорячился Харальд. – Я смог вызвать стихии, и водянца освободил!

– Значит, это был ты, – глаза Владетеля сверкнули, став на миг словно две ярко-голубые и очень злые звезды. – В том обозе.

– Да, – ответил Харальд и прикусил губу, вспомнив просьбу Кьетиля.

– Не дергайся, – темноволосый маг недовольно поморщился. – Мне нет до твоих приятелей никакого дела.

– А почему вы не уничтожите того мага, разбойничьего? – набравшись наглости, спросил юноша.

– И ты хочешь ко мне в ученики? – Иссахар брезгливо поморщился. – Не понимая таких простых вещей?

Харальд почувствовал, что краснеет, а Владетель все же снизошел до объяснений:

– Я могу вызвать демона-убийцу из Нижнего Мира, это не проблема. Но как нацелить его? Я не знаю имени мага разбойников, у меня нет ни капли его крови, ни куска одежды. А сам он на глаза мне благоразумно не попадается.

– Вот как, – прошептал Харальд.

– Да, именно так. Но это не имеет никакого отношения к твоему желанию быть магом. – Голубые огни вновь загорелись на желтом лице, и Харальд испытал приступ страха. В горле пересохло, сердце задергалось испуганным зайцем.

Маг некоторое время разглядывал юношу, словно диковинное растение, затем встал, сказал неожиданно:

– Иди за мной.

Недоумевая, Харальд поднялся. Они подошли к одному из ковров, на котором коричневые и желтые гончие терзали белоснежного единорога на фоне идиллической зелени зарослей. Маг протянул руку, что-то дернул, и ковер уполз вверх, свернулся в трубочку. За ним оказалось большое зеркало в массивной раме белого металла.

– Посмотри на себя, – произнес Иссахар резко.

Харальд послушно уставился в зеркало. Оттуда на него смотрел молодой человек с очень светлой кожей и правильными чертами лица. Почти белые волосы, узкие губы, тонкий нос. Голубые глаза с опущенными наружными уголками смотрели испуганно.

– Ну, я. – Недоумение сквозило в словах, то и дело прорываясь скачками тона.

– Ты, – сказал маг жестко. – Молодой и красивый. Похож ли ты на мага?

– Ну... – Харальд замялся. – Нет, наверное...

– Совершенно не похож. – Маг дернул рукой, и ковер с шуршанием рухнул, скрыв изумленное отражение. – Ты полностью нормален!

– Как? – юноша повернулся к Иссахару, – Ну и что?

– Дело в том, что в тебе нет ни следа той ущербности, которая должна быть у настоящего мага. Ты гармоничен внешне и внутренне. – Владетель уселся в кресло, и Харальд последовал его примеру.

– Ущербность – почему? – спросил он.

– В маги идут только те, – металлическим голосом объяснял Владетель, – кто не может ничего добиться в нормальной жизни, искалеченные и униженные. Магия – это извращение, и заниматься ею должны только увечные люди.

– Как так? – В рот Харальда при желании пролетела бы крупная ворона.

– Разве это нормально – замуровывать себя над чтением пыльных фолиантов, рисовать на полу или земле чертежи, запутанные, словно мысли идиота, вдыхать при этом дым сжигаемых дурацких смесей? – глаза мага горели, лицо нервно подергивалось. – Это нормально? Нет!

– Но ведь можно же быть магом и жить нормальной жизнью, – прошептал Харальд ошеломленно.

– Нельзя! – Маг шипел, словно разъяренная гадюка. – Тот, кто коснулся этой отравы, может стремиться только к одному – к власти! Над демонами или духами, стихийными существами или людьми – все едино. Ты сам потом поймешь, но будет поздно.

– Но я не стремлюсь к власти! Я всего лишь хочу много знать!

– Да? – Владетель усмехнулся. – Знания, особенно магические, дают власть. Стремясь к ним, ты тем самым жаждешь власти А она не приносит удовольствия чаше всего именно тем, кто ею обладает.

– И что делать? – спросил юноша убито.

– Живи обычной жизнью. – Порыв угас, Иссахар сгорбился, словно древний старец, в его глазах появилась усталость. – Люби женщин, пей вино, дерись. Ты ведь неплохо владеешь мечом, родовитый Харальд?

– Да, – ответил юноша, вздрогнув.

– Ну, вот и подайся в наемники, вернись домой, наконец, там тебя женят. Делай, что хочешь, но не трогай магию. Она воистину ужасна, а ты для нее – слишком нормален.

– Так вы не возьмете меня в ученики? – нахмурился Харальд, пытаясь осознать произошедшее.

– Нет, ни за что, – устало ответил Владетель. – Способности у тебя средние, я в твоем возрасте сам составлял заклинания. Но приди ко мне горбун, кривой или одноногий с таким даром – я бы взял. Тем более – морального урода: труса или ненормального. Тебя – не возьму.

– Да? – плечи юноши поникли, он печально вздохнул.

– Солнце садится, а ночевать чужих в замок я не пускаю, – сказал Иссахар, поднимаясь. – Так что не задерживайся. Прощай.

Трава во дворе замка пахла горечью, стражники смотрели с удивлением. Но Харальд не обращал на них внимания. На сердце была тоска, и сумрачные мысли одолевали рассудок.

На сердце была тоска, и сумрачные мысли одолевали рассудок. Достижение вожделенной цели откладывалось, и Харальд слонялся по становищу нид, не зная, куда себя деть.

Шел третий день пребывания чужаков в лагере. Сначала их поселили в одну юрту, затем почему-то предложили каждому из почетных гостей поселиться в одиночестве. Харальд поначалу подумал неладное, но подозрительность быстро пропала, исчезла грязным весенним снегом под теплыми лучами солнца искреннего радушия хозяев.

До слуха Харальда донеслись женские голоса. Он прошел еще десяток шагов, обогнул пахнущую протухшим салом юрту и обнаружил презанятную картину. Женщины и девушки племени шили, собравшись в круг. А вокруг красавиц, молодых и не очень, вился Гуннар, недаром еще на юге получивший прозвище Бабник.

– Что, за старое взялся? – спросил Харальд, подойдя.

– Почему за старое, – сверкнул улыбкой Гуннар. – За новое! Посмотри, сколько тут нового!

– Ну-ну, – усмехнулся Харальд в ответ. – Тут нравы суровые: посватался – женись, и отказ не примут, да и сбежать не получится.

– А, – беспечно махнул рукой Гуннар. – Ради одной из этих красавиц многое можно перенести. Но ведь потом мы все равно покинем это чудное племя?

– Да, – кивнул Харальд. – Так что особо не увлекайся.

Он повернулся, чтобы уйти, и тут взгляд его упал на совсем молодую девушку, почти девочку, сидящую с краю. Русые волосы, большие зеленые глаза, лицо сердечком – что-то в ней было такое, что заставило Харальда на миг замереть.

А девушка подняла изумрудные, как весенняя трава, глаза и улыбнулась, застенчиво и спокойно:

– Приветствую тебя, гость! – сказала тихо. – Меня зовут Асенефа, и я – дочь вождя.

– Привет и тебе, Асенефа, – ответил Харальд, с трудом ворочая неожиданно онемевшим языком. – Меня зовут Харальд...

Асенефа повторно улыбнулась и вернулась к работе. А Харальд пошел дальше, но не видел ничего вокруг.

В глазах его стояла стройная и гибкая словно тростинка фигура с точеной шеей, украшенной ожерельем из звериных зубов.

Ночью он проснулся от какого-то движения рядом. В юрте явно кто-то был. Сквозь неплотно пристегнутый полог врывалась струя холодного воздуха, и ноздри щекотал чужой запах, терпкий, острый.

Харальд напрягся, готовясь сражаться за жизнь, но тут маленькая теплая ладошка коснулась груди. Тонкий голос слабо ахнул, когда Харальд ухватил эту ладошку:

– Не гневайся, гость, я пришла к тебе, как к мужчине...

– Это лестно, – ответил Харальд, и тут до него дошло, кто сидит рядом с ним во тьме. – Это ты, Асенефа?

– Да, – был ответ.

– И ты пришла сюда сама? – Изумление смешалось с недоверием и опаской.

– Не совсем. – Смех прозвучал, словно звон колокольчика. – Чужаки у нас бывают редко, а свежая кровь нужна, чтобы племя было сильным. К твоим друзьям тоже послали по женщине. Но к тебе я попросила отца отправить меня.

– Вот как, – несколько ошеломленно сказал Харальд и отпустил руку девушки.

– Ведь ты не прогонишь меня? – Теперь опасалась уже она. – У меня еще не было мужчин, и я хочу, чтобы ты был первым...

Теплая ладошка вновь, словно зверек, поползла по телу. Кровь в жилах Харальда вспенилась весенней рекой, и он ответил:

– Не прогоню, иди сюда...

Ожерелье упало ему на лицо, но он не обратил на это внимания. Гибкое сильное тело в его объятиях, острый, кружащий голову запах, и блаженство, истекающее из каждой поры двух тел, сливающее их в одно...

Ночь исчезла, распалась на обломки в ослепительной вспышке...

Глава 4

Магия – наука и искусство сочетания системы концепций и методов для построения человеческих эмоций, изменяющая электрохимическое равновесие метаболизма, использующая ассоциативную технику и способы концентрировать и фокусировать энергию, таким образом модулируя передачу энергии человеческим телом обычно для того, чтобы воздействовать на энергию других образцов, одушевленных или неодушевленных, но чаще всего для того, чтобы воздействовать на энергетическую модель личности.
Исаак Боневщ

Когда Харальд проснулся, юрта была пуста, а сквозь щель у плохо задернуюго полога сочился неяркий свет осеннего утра. Спина саднила – ногти у дочери вождя оказались длинными и острыми.

В голове стоял туман, точно такой же, как и в тот день, когда Харальд первый раз в жизни напился...

Пиво в корчме оказалось дрянным. Отдавало паленой кошачьей шерстью, но Харальд глотал его, словно изысканный напиток. Ни мерзкий запах в самой корчме, ни откровенно разбойничья рожа корчмаря не остановили Харальда. Он хотел напиться, залить боль от уничтоженной мечты, а последствия его не очень волновали.

Мир вокруг приобретал все более смутные очертания, и в один миг Харальд обнаружил, что кошки, ранее скребшие на душе, куда-то делись, а вместо них явилось желание доказать всему миру, как он, представитель славного рода фон Триз, могуч и силен.

Он даже поднялся, собираясь реализовать это в высшей степени благородное намерение, когда откуда-то сбоку возник хозяин. Сальные темные волосы свисали у него до плеч, а черные глаза смотрели со злобой. Разило от корчмаря протухшей свининой.

– Куда? – сказал темноволосый. – Хочешь удрать, не заплатив?

– Я уже заплатил, – ответил Харальд вполне уверенно. Хоть он и был пьян, но помнил, как отдал серебряную монету.

Лицо корчмаря плыло, колебалось, будто он находился под водой, слова также долетали плохо.

– Еще и врешь, – укоризненно сказал корчмарь и призывно махнул рукой куда-то Харальду за спину. – Заплати добром, а то хуже будет!

Поняв, что дело туго, Харальд сам ринулся в драку Кулак, двигаясь словно отдельно от тела, вылетел откуда-то сбоку и с тупым хряском впечатался в подбородок темноволосого. Тот сказал «Ах!» и вытаращил глаза, став похожим на удивленную жабу. Явно не ожидал от пьяного посетителя такой прыти.

Ноги в этот миг подвели Харальда, его понесло назад, и поэтому удар дубинки, нацеленный ему в голову, пришелся в плечо и вызвал только боль.

Харальд махнул рукой себе за спину, куда-то попал и лишь после этого начат разворачиваться.

Перед ним оказались двое детин мрачного и свирепого вида. Зеленые куртки и высокие сапоги напомнили наряд лесничих. «Но здесь же не лес?» – успел подумать юноша, прежде чем на него обрушился очередной удар.

На этот раз увернуться он не успел. Боль обожгла правый висок, и перед глазами потемнело. Он еше пару раз махнул руками, и затем что-то твердое и холодное, пахнущее грязью и дерьмом, ударило в лицо. Больше он ничего не помнил.

Очнулся Харальд от головной боли. Мука была такая, что юноша не выдержал и застонал: будто внутри черепа развели жаркий огонь, а по макушке непрерывной вереницей скакали тяжеловозы.

Харальд с трудом смог понять, что лежит на чем-то достаточно мягком.

Глаза почему-то открывались плохо. Он поднял руку, пытаясь ощупать лицо, и в этот же миг твердый, смутно знакомый голос произнес:

– Не трогай, там синяки.

– Да? – только и смог сказать фон Триз. – Откуда? Вчерашнее помнилось смутно, словно наблюдал со стороны плохой фарс, да и позабыл, о чем.

– Ты не помнишь? – в голосе прорезалось удивление. – Тебя били.

– Да? – тупо повторил Харальд и сморщился, осознав отвратительный привкус во рту. – Что я вчера пил?

– Не удивлюсь, если это была собачья моча. – Невидимка усмехнулся.

С неимоверными усилиями Харальд приоткрыл правый глаз и попытался осмотреться. Когда зрение сфокусировалось, он обнаружил, что находится в узкой, словно ножны, комнате. У окна нарисовался силуэт мужчины, сидящего на стуле.

Спустя миг мужчина повернул голову, и Харальд так удивился, что на миг даже забыл о головной боли:

– Молчун? Ты? – прохрипел он, пытаясь приподняться на кровати.

Тот кивнул невозмутимо, лишь слегка дернулся уголок рта, обозначая усмешку.

– Где я? И как я тут оказался? – Руки подломились, и Харальд обессиленно рухнул на кровать, отозвавшуюся жалобным скрипом. От резкого движения боль в голове вспыхнула с новой силой.

– Ты на постоялом дворе «Серебряный лев», и притащил тебя сюда я, – Асир встал и прошелся по комнате, попутно разминая кисти. Пол скрипел, суставы тоже, вынуждая Харальда морщиться.

– А как мы с тобой встретились? Я не помню. – Он попытался поднять руку, но резкая боль в плече заставила застонать.

– Я зашел в тот миг, когда тебя повалили. – Асир остановился, глядя прямо на Харальда. Во взгляде карих глаз не было презрения, лишь легкая насмешка – Опоздай я на миг, и тебя бы обобрали, а может быть, и убили бы. Славно ты напился.

– Да. – Харальду вдруг стало нестерпимо стыдно, до озноба, до обморока. Захотелось оказаться где угодно, только бы подальше от этого городишки рядом с замком Владетеля Иссахара.

– Спасибо, – нашел он все же силы сказать. – Ты спас мне жизнь. Я теперь тебе обязан.

– Пустое, – Молчун махнул рукой. – На мне долг, и плачу я его, отводя смерть от других. Так что это я тебе чем-то обязан.

Некоторое время молчали. Спаситель уставился в окно, словно надеясь высмотреть там нечто интересное, спасенный пытался собрать разлетающиеся весенними мухами мысли. Вроде и вялые, а не ухватишь.

– Ну что, пойдем лечиться? – нарушил тишину Асир. – Идти сможешь?

– Я попробую, – прохрипел Харальд и попытался спустить ноги с кровати.

Корчма, куда Асир привел мучимого похмельем Харальда, оказалась гораздо уютнее вчерашней. Приняв кружку темного, пахнущего ячменем пива, Харальд отважился заказать бульон. Сидел, смакуя горячую жирную жидкость. Желудок успокаивался, слабела головная боль, и мир вокруг становился все более приятным. Даже побои болели, казалось, меньше.

– Расскажи, – попросил Асир, прикончив баранью ногу в острой подливе. – Что с тобой случилось?

– Все просто, – мрачно ответил Харальд, стараясь не глядеть бывшему соратнику в лицо – Позавчера я добрался до замка Владетеля, и он меня прогнал. Заявил, что магия – удел уродов, и отправил восвояси. Ну, я расстроился и едва добрался до этого городишки, все не запомню, как он называется. Горе решил прогнать выпивкой, зашел в первую попавшуюся корчму. Остальное ты видел...

– Ясно, – кивнул Асир, потягивая пиво.

– А ты почему не с Кьетилем? – в свою очередь спросил Харальд, морщась от боли в боку.

– Все, служба закончена, – пожал плечами Молчун. – Он добрался до дома с товарами, со мной расплатился. Вот, собираюсь отправиться на северо-восток, в вольный город. А ты что думаешь делать?

– Не знаю, – скривившись, ответил Харальд. – Наверное, буду дальше искать. Поеду к следующему Владетелю.

– Поехали со мной, – предложил Молчун. – Ты неплохой боец, да и в магии сведущ. Среди наемников тебе найдется работа. А замок Владетеля Олава всего в паре сотен верст от вольного города.

– Что за вольный город? – спросил Харальд.

– Бабиль. Единственное место в обитаемой ойкумене, не находящееся под рукой какого-либо из Владетелей и никогда под ней не находившееся, – тон ответа не оставлял сомнений, что Асир гордится таким положением дел.

– Почему так? – изумленно вытаращил глаза Харальд.

– Неизвестно, – южанин говорил серьезно. – Но они даже не пытаются завоевывать его.

– Что же, поехали. – Харальд потер подбородок и, уколовшись о щетину, отдернул руку. – Когда отправляемся?

– Обоз купца Исхака выходит послезавтра. Этот торговец звал меня командовать охраной. – Асир задумчиво отхлебнул пива. – Думаю, он не откажется взять и тебя.

Через два дня большой обоз выехал из ворот города Ершалама и направился по хорошо знакомой Харальду дороге, только в обратном направлении. Асир скакал впереди, а среди десяти новых охранников Харальд успел познакомиться со всеми, но запомнил только Хегни, весельчака и балагура.

Небо застилали низкие сизые тучи, шел мелкий и холодный, совсем не летний дождь...

Небо застилали низкие сизые тучи, шел мелкий и холодный дождь. Харальд весь вымок и шел за Завулоном на одном упорстве. Больше всего хотелось оказаться в тепле и сухости, но раз уж сам вождь нид пригласил на охоту, отказываться неудобно.

Заканчивался месяц, как путешественники добрались до этих мест. Осень доживала последние дни среди голых страшных ветвей, и со дня на день ожидался приход зимы. Нид привыкли к чужакам и относились к ним как к своим.

Асенефа приходила часто, почти каждую ночь, и Харальд привязался к ней, к почти звериной страстности, странно сочетающейся с прямо-таки детской робостью. Лишь мысли о цели путешествия мешали полностью отдаться неторопливой, размеренной жизни, не лишенной определенного комфорта и полной простых человеческих радостей. Желание заполучить книгу мучило Харальда постоянно, словно боль от старой раны. Даже в объятиях дочери вождя он помнил о своей цели, и воспоминания эти делали любовь какой-то ненастоящей, словно выдуманной.

Спутники Харальда чувствовали себя, судя по всему, гораздо комфортнее. Гуннар впервые в жизни полностью попал под власть женских чар. Пышнотелая молодая вдова настолько околдовала темноволосого южанина, что он даже переселился к ней.

Голубоглазый Торвальд нашел себе место среди охотников. Целыми днями его не было в становище. В компании с добытчиками племени он пропадал в лесу. Из чащи приволакивали пахнущие мускусом туши оленей, оскаленных кабанов и всякую мелкую дичь.

От размышлений Харальда отвлек неожиданно остановившийся Завулон. Харальд сделал шаг в сторону, обходя вождя, и замер, пораженный увиденным. Они стояли на краю высокого, около сотни саженей косогора, поросшего редкими деревьями. Внизу лежало темно-зеленое покрывало леса, серой заплатой на котором смотрелось озеро, такое большое, что сливалось с горизонтом. Даже издалека было видно, как по воде ходят крупные волны, увенчанные коронами из белой пены. Посреди озера чернел остров.

– Бурливое озеро, – сказал Завулон, широким жестом обводя открывшуюся картину. – А вот там – остров, на котором стоит храм, в нем и находится книга.

Сердце Харальда на миг замерло, а затем застучало с бешеной силой, грозя пробить тонкую перегородку ребер, настолько прекрасен оказался открывшийся вид.

Месяц пути, и обоз чернобородого Исхака достиг высокого берега Серебряной реки. Позади осталась дорога с ее тяготами и заботами, впереди лежал вольный город Бабиль. Именно он и заставил Харальда замереть от восторга.

Не скованный латами крепостных стен, как большинство других крупных селений, он вольно разлегся грузным телом на невысоких холмах, выставив напоказ красные черепичные крыши. Широкая в этом месте река огибала город, нежно прильнув к нему, словно грациозная женщина к богатому мужу, и вода ее блестела расплавленным серебром. С реки доносились яростные вопли паромщиков и плеск весел.

– Что замер? – подошел Хегни, сверкнул улыбкой, блестящей, как золотая монета.

– Да вот, город понравился, – ответил Харальд.

– Он хорош, – склонил нечесаную копну русых волос Хегни. – И девки там самые лучшие, и пиво. Сам увидишь!

– Увижу, – эхом отозвался Харальд.

Изнутри Бабиль оказался гораздо менее привлекателен. На въезде с приезжающих стребовали пошлину, весьма высокую, отдельно на людей и на товары. И стребовали не тупые стражники, а неприметные востроглазые люди в серой одежде. От таких коробочку с перцем не спрячешь, не то что тюк с тканью. Улицы заполнял народ, суетливый и злой на вид, хоть и богато одетый. Над толпой разносились пронзительные голоса торговцев.

Исхак расплатился с охраной, и вскоре Асир, Хегни и Харальд сидели в заведении под потрясающим душу названием «Спившийся демон». Перед каждым стояла кружка пива и тарелка с мелкой сушеной рыбой.

– Ну что, куда теперь направишься? – спросил Хегни, хрустя рыбешкой. Глаза молодого наемника блестели довольством.

– На север, – твердо ответил Харальд и взялся за кружку. Пиво холодной струей потекло по гортани, щекоча ее привкусом меда.

– А ты подумай, – Хегни тоже ухватился за кружку. Пил жадно, словно неделю не видел воды. – Может, пойдешь к нам в дружину? Вон и Асир не против.

– Что за дружина? – Солоноватая на вкус рыба оказалась волокнистой и приятно хрустела на зубах, вынуждая вновь и вновь тянуться к кружке.

– Бабиль – центр наемничества, ты разве не знаешь? – вытаращил голубые глаза Хегни. – Все наемники сведены в дружины, с атаманами во главе, и купец, родовитый владелец замка, или же Владетель, нанимая воинов, разговаривает именно с атаманом. Охранников, работающих вне дружин, практически не бывает, только если кто случайно прибьется, как и ты.

– Вот как, – Харальд усмехнулся. – А я думал, что наемники – свободный народ.

– Конечно, – подал голос Асир. – Атаман не может ничего приказывать, он лишь первый среди равных. Выбирают и смещают его сами дружинники.

– Если я соглашусь пойти к вам, то что? – Харальд ухватил очередную рыбешку и принялся ее рассматривать, словно надеясь отыскать за золотисто-коричневой чешуей ключ к магическим тайнам.

– Мы с Асиром пойдем к атаману и порекомендуем тебя. – Хегни махнул рукой в сторону стойки, и хозяин тотчас зашевелился, ставя на поднос полные кружки. – Затем соберутся те из дружины, что в городе. Тебя примут, поскольку причин для отказа нет. На предплечье нанесут татуировку, знак принадлежности к нашей дружине это меч и топор После этого ты станешь полноправным членом дружины и сможешь работать. Будешь получать заказы через атамана либо находить самостоятельно, если ты не в городе.

– Ну, а если я наймусь к одному родовитому, а ты – к другому? – Поднос со стуком опустился на стол, пиво в кружках булькнуло, и ловкие руки начали проворно расставлять их. – И они начнут меж собой воевать? Что, мне ведь придется тебя убивать, а тебе – меня. Как тогда?

– Такое бывает. – Асир отпил из полной кружки и довольно крякнул. На верхней губе у него образовались усы из белой пены – Но наниматель всегда прав, и мы иногда вынуждены убивать своих друзей. Ничего не поделаешь, такова жизнь

– Эх, что вы все о серьезном? – Хегни с изумлением в глазах рассматривал тарелку, в которой от рыбы остался только запах. – Давай допивать, и пойдем к девочкам, в «Зеленую розу». Надо же тратить заработанные деньги?

– Надо, – одновременно ответили Харальд с Асиром и оба рассмеялись.

Город остался позади, а Харальд, с трудом вырвавшись от охочих на гульбу друзей-наемников, двинулся на северо-восток, к замку Владетеля Олава.

Леса пахли грибами, на полях вовсю убирали хлеб, а Харальд покрывал версту за верстой, стараясь, как и прежде, объезжать города. За полгода, что он провел в странствиях, Харальд научился обходиться без многого, без чего ранее не мыслил жизни. Хотя ночи становились холоднее, а дожди шли почти осенние, ночевал в лесу он с большим комфортом, чем когда-то в родном замке.

Леса здесь были не такие густые, как к западу, и какие-то ухоженные. И Харальд не удивился, когда на одной из лесных тропинок встретил отряд конных, слишком хорошо вооруженных, чтобы быть разбойниками. Все всадники были в одинаковых зеленых плашах

– Кто таков? – спросил первый из всадников, до странности похожий на постаревшего лет на десять Асира. Те же тонкие черты лица, темные глаза, смуглая кожа. Но морщины и седеющие волосы свидетельствовали о возрасте. И лицо – жесткое, словно из камня вытесанное.

– Харальд из Фенри, – дорожное имя пригодилось в очередной раз. – Еду к Владетелю Олаву.

– По какому делу? – нахмурился седовласый воин

– С кем имею честь разговаривать? – Харальд улыбнулся, и как бы ненароком положил ладонь на рукоять меча.

– Я – Иаред, капитан охраны Владетеля. – В черных, как грозовая ночь, глазах молнией полыхнула гордость.

– Иаред по прозвищу Хлыст? – Харальд ощутил, как поднимаются его брови.

– Да. – Всадники за спиной капитана недоуменно зашептались. – Откуда ты меня знаешь?

– О вас ходят байки среди наемников, – Харальд позволил себе улыбнуться. – Мне довелось о вас слышать от Асира Молчуна и Хегни Весельчака.

– Вот как. – Лицо Иареда на миг смягчилось, сквозь камень проступили человеческие черты, но за тем долг вновь взял верх. – И все же, Харальд из Фенри, ответь, по какому делу ты следуешь в замок Владетеля?

– Я хочу попасть к нему в ученики, – ответ этот заставил Иареда нахмуриться, а его воинов примолкнуть. Глаза, обращенные на Харальда, блестели смесью недоверия и изумления.

– Вот как, – проговорил наконец капитан охраны, и голос его звучал глухо. – Людей с подобным желанием велено препровождать к Владетелю, не чиня препятствий.

– Что же, – усмехнулся Харальд. – Очень хорошо.

– Не думаю, – отрезал Иаред. – За пять лет моей службы таких было двое, и оба из замка не вышли. Может, повернешь назад, пока не поздно?

– Нет, – ответил Харальд устало. – Пойду до конца.

– Как знаешь, – пожал плечами седой воин. – Езжай за нами.

Тропинка долго вилась в густом орешнике и выбежала на открытое место совершенно неожиданно.

Вырубка вокруг замка оказалась выполнена по всем канонам – сажен на пятьдесят. Само строение притулилось на берегу небольшой речушки, защищенное со стороны суши рвом. На фоне серого неба зубцы башен и стен выглядели угрожающе, словно зубы исполина.

Изо рва пахло сыростью, оттуда доносился плеск.

– Рыба? – спросил Харальд у одного из сопровождающих.

Воин посмотрел на него, словно на идиота.

– Жуть там какая-то плавает, – ответил другой стражник, с оспинами на смуглом лице. – Хозяин вывел и запустил, чтобы лазутчики не проникли.

– Ничего себе! – при проезде через подъемный мост Харальд старался держаться подальше от края.

Мост грохотал и лязгал под копытами, но выглядел крепким. Двое стражей у ворот, похожие, как близнецы, отсалютовали Иареду и проводили чужака настороженными взглядами.

– Подожди в караулке, – сказал капитан, спешиваясь – О твоем коне позаботятся.

Харальд послушно снял седельные сумки и вошел в указанную одним из стражей низкую дверь, окованную полосами железа.

В небольшом помещении с лавками вдоль стен и круглым столом в центре никого не было, сиротливо стояли в углу алебарды, да пахло чем-то кислым, похоже на протухший рыбный суп. Харальд уселся к столу и от нечего делать принялся изучать игральные карты, которые лежали на нем. Картинки оказались выполнены с чрезвычайным искусством. Всадники, вооруженные удобными на вид мечами, гарцевали на горячих конях, прорисованных с особой тщательностью. Дамы охотно демонстрировали пышные прелести, едва прикрытые кружевами, короли метали суровые взоры из-под седых насупленных бровей, а короны их сверкали настоящим золотом. На мелких картах оказались пейзажи: зеленые леса, бурлящие голубизной реки, пухлые белые облака и исполинские замки.

– Что, нравится? – спросили из-за спины. Харальд настолько увлекся, что не заметил, как к нему подошли.

– Да, – согласился он.

Такие карты мог изготовить только настоящий художник. Но откуда они у обычных стражников?

– Это наш хозяин рисует, – продолжил невидимый собеседник.

– Серьезно? – Харальд обернулся, и оказалось, что беседовал с ним тот самый рябой стражник.

– Да, – кивнул он. – Для развлечения. И нам от дает.

Хлопнула дверь, и продолжить занимательный разговор не дал появившийся Иаред:

– Харальд, пойдем.

После того как вошли в донжон, Иаред неожиданно повел гостя вниз. Спустились примерно саженей на пять, после чего пошли прямо. Оранжевое пламя факела выхватывало из тьмы гладкие стены и удивительно ровный пол. Харальд помнил подземелья родного замка, как там сыро и противно, и мог только удивляться. Вокруг царили сухость и чистота, пахло смолой от факела и камнем. Слышался только шум шагов.

Поворот, и Иаред бесшумно распахнул дверь.

За ней оказалось обширное помещение с высоким потолком. Свет множества свечей падал на полки, тянущиеся вдоль стен. Фолианты, огромные и древние, топорщили с них языки страниц, грудами лежали свитки, камни, кости и совсем непонятные вещи. Открытые участки стен заполняли гобелены, пол, судя по мягкому стуку подошв, устилал ковер.

Иаред громко кашлянул, и тут же откуда-то из полумрака появился человек среднего роста, крепкий и мускулистый. Увидев гостей, он радостно улыбнулся и сказал приятным голосом:

– Так это и есть Харальд из Фенри?

– Так точно, – отрапортовал Иаред, напряженный, словно струна.

– Хорошо. – Улыбка на круглом лице засияла ярче. – Оставь нас.

Капитан молча поклонился и вышел.

Владетель подошел ближе, и Харальд разглядел, что волосы у него каштановые, а глаза серые, словно затянутое тучами небо.

– Что же, – сказал Олав. – Ты пришел ко мне. Давай присядем, поговорим.

Следуя за хозяином, Харальд прошел в глубь зала, где оказался очаг в стене, в котором ревело необычно алое пламя, а рядом стояли два кресла. Огонь чем-то привлек внимание Харальда, в колышущихся струях ему привиделось гибкое, сплетенное в кольца тело.

– А, ты заметил... – улыбнулся Олав, садясь. – Огневик в камине – полезная вещь. И на угле экономия.

Кресло скрипнуло, принимая гостя, а Харальд все никак не мог оторвать взгляд от оранжево-багрового змеиного тела, чарующе медленно извивающегося в огне. Вернул его к реальности голос Владетеля:

– Ну, я слушаю, – сказал Олав, сплетя пальцы перед грудью.

– Я хотел бы стать вашим учеником. – фраза прозвучала очень обыденно, и Харальд не испытал никакого душевного трепета, не то, что при предыдущих попытках. Третий раз все же.

– Далеко же ты забрался из своего Фенри. – Лицо Владетеля украсила понимающая улыбка, и Харальд не выдержал – улыбнулся в ответ. Этот маг оказался обаятелен и приятен в общении. – Ты наверняка был у других? Зазнайка Свенельд не стал с тобой разговаривать, а выживший из ума Иссахар до смерти испугал?

Харальду оставалось только кивать.

– Они такие, но я другой. Я считаю, что магия – удел немногих избранных и что каждому, дерзнувшему стать магом, нужно помогать, – Олав огладил чисто выбритый подбородок и на миг задумался.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Давай посмотрим, на что ты у нас годишься. Ты самоучка?

– Да, – кивнул Харальд. – Все из книг.

– Так, и что ты уже делал? – серые глаза лучились вниманием и заботой, и Харальд ощутил неожиданный прилив доверия к незнакомому и в общем опасному человеку.

– Ну, у меня получился ритуал вызова стихий. – вспоминать совершенное оказалось неожиданно больно, словно отдирать корку от поджившей ссадины. – И практически без подготовки я смог высвободить водянца из ловушки, созданной другим магом.

– Со стихиями работаешь – хорошо. – Олав выглядел довольным, словно кот, дорвавшийся до сметаны. – А какие книги у тебя есть?

Ремень на сумке отказывался расстегиваться, и Харальд некоторое время возился, прежде чем высвободил из плена сумки мешок из прекрасно выделанной темной кожи. Развязывал его с осторожностью, и вскоре на свет явились три старинные книги. Сдерживая трепет сердца, Харалъд передал их Владетелю, и, когда его холеные тонкие пальцы коснулись желтой замши одного из переплетов, лицо исказила странная гримаса.

– Так, хорошо, – сказал сероглазый маг, шелестя страницами, – «Натуральная магия или повествование о силах природных, иначе стихиями именуемых» Снорри Башмачника – очень достойный труд, особенно полезный для начинающих.

Следующая книга была снабжена замочком, и Владетель некоторое время повозился, открывая его. Огонь в камине пылал бесшумно, и слышалось только дыхание людей

– Ага, – Переплет поддался, и фолиант затрепетал потрошимой бабочкой, – «Книга о творении истины, или же извлечения из учения об Истинном Алфавите» Даниила с Островов. Сложная книга, но также полезная.

Третью книгу Олав взял молча. Без слов взирал на черный переплет, украшенный лишь изображением серпа умирающей луны. Когда губы мага задвигались, голос его зазвучал глухо и тоскливо.

– «Книга Темной Луны; повествование о пути поиска силы против хода Солнца» – Владетель не стал открывать книгу, лицо его вдруг сделалось жестким, глаза потемнели.

– Что... – попробовал прервать Харальд сгустившуюся тишину, что лезла в горло, словно пыль, и вызывала удушье.

– Ты читал эту книгу? – В голосе, ранее столь мягком, звенел металл.

– Да, – ответ получился робким. У Харальда вдруг сильно заболела голова, словно после ночи за разбором тайнописи.

– Это плохо, – Олав улыбнулся, и в словах его слышалось разочарование, – Значит, я не смогу убить тебя собственноручно.

– Что? – Харальду почудилось, что он ослышался, столь резок оказался переход от мягкого, дружелюбного тона к неприкрытой враждебности.

– А то, что любой, открывший «Книгу Темной Луны» и хоть что-то в ней понявший, на три года попадает под защиту сил, которые отомстят любому магу, дерзнувшему поднять на познавшего руку. – Владетель встал. – Но это тебе не поможет. Тебя убьют мои воины.

– За что? – воскликнул Харальд и попытался встать. Но, к собственному удивлению, обнаружил, что члены сковала каменная тяжесть, мышцы и утробу словно набили булыжниками.

Заметив бесплодные попытки гостя встать, хозяин ощерился разъяренным котом и почти прошипел:

– Не дергайся, мой юный наивный друг, – глаза Владетеля сверкали, губы тряслись, лицо побелело. – Это креслице предназначено для таких, как ты! Я славно поработал, нанося на пол магический чертеж, но зато еще никто не смог из него вырваться!" – Харальд с неимоверным трудом повернул голову Кресло оказалось установлено в центре причудливой, паутины светящихся холодным голубым огнем линий. В рисунке смог различить буквы Истинного Алфавита, символы стихий, но многие знаки оказались непонятны.

Маг тем временем продолжал бесноваться.

– Магия – удел избранных! – воскликнул он, вознося руки к низкому потолку. – Воистину, так! И посему магов должно быть немного, как можно меньше, и всякое отребье, возомнившее себя могучими волшебниками, надлежит уничтожать! Ты, глупец, принес мне книги невероятной ценности и сам отдал в мои руки. Ты наивен и жалок. В тебе нет жестокости и хитрости, которые нужны настоящему магу!

– Я не хочу быть хитрым, не желаю быть жестоким, – невнятно ответил Харальд. Язык повиновался с трудом, двигаясь, словно свинцовая колотушка меж окаменевших холмов десен. – Я лишь хочу быть магом!

– Тебе им не быть, – Олав отошел в сторону и дернул за свисающую с потолка веревку. Где-то наверху мелодично и мощно ударил колокол, – Доживай последние мгновения жизни, червь!

Харальд яростно извивался в кресле, борясь с тяжестью и пытаясь встать, а Владетель с холодной усмешкой наблюдал за ним. Глаза его горели страхом и ненавистью.

С легким скрипом открылась дверь, и в помещении появился Иаред в сопровождении нескольких стражников.

– Разоружить его – и в ров, – небрежно бросит Олав, указав на Харальда. – На корм зверюшке.

Сильные умелые руки сорвали меч, отыскали и извлекли кинжал. Затем Харальда буквально выдернули из кресла и потащили, не давая зацепиться ногами за пол. Совершенно ошеломленный, он даже не пытался сопротивляться. Страх судорогами сводил живот, а конечности висели, как тряпки. Запах пива, исходящий От носильщиков, вызывал тошноту.

Они поволокли его через коридор, на лестницу и вышли во двор. Какая-то женщина проводила пленника сочувственным взглядом. В этот момент Харальд на мгновение очнулся и попытался вырваться.

– Не дергайся, – сказал голос Иареда из-за спины. – Только хуже будет.

Они приблизились к огромной, толстой стене замка, плохо различимой в наступивших сумерках, и башня на ней возвышалась словно исполинский гриб. Жертву внесли в темный зев прохода и потащили по узкой, пахнущей отчего-то пылью лестнице.

Проскрипела еще одна дверь, тяжелая, массивная, и они оказались на мокрой после дождя стене. Харальду показалось, что он может рассмотреть любую выбоину, каждую шероховатость в камне, такую остроту на миг обрело его восприятие.

Здесь его поставили, но по-прежнему держали крепко.

В поле зрения появился мрачный, как безлунная ночь. Иаред. Смерил Харальда взглядом с головы до ног, а затем, несильно размахнувшись, врезал пленнику в челюсть.

Боль стегнула, как хлыстом, голова Харальда дернулась, но туман в ней немного прояснился.

– Слушай меня, – сказал Иаред. – И очень внимательно. Или тебя еще ударить, для лучшего понимания?

– Нет, я в порядке, – ответил Харальд, сплевывая кровь. Страх немного отступил, выдавая себя лишь дрожью в руках и комом льда в груди.

– Хорошо, – кивнул Иаред, потирая кулак. – Отпустить тебя я не могу, но помочь – попробую. Сейчас эти два молодца кинут тебя в ров. Там, как ты знаешь, живет прожорливая тварь...

– Знаю, – ответил Харалъд и вдруг зашелся нервным хохотом. От второго удара челюсть занемела, а зубы ощутимо хрустнули.

– Не время хихикать, – вновь потер руку капитан. – Так вот, этот монстр очень глуп и реагирует только на резкие движения, на сильные колебания воды. Хватает все, что быстро плывет. Так что, когда упадешь, тут же замри и первые мгновения старайся не двигаться. Перемещайся медленно и плавно, едва шевеля конечностями. Ни в коем случае не булты-

хайся. Задергаешься – конец тебе, сумеешь сохранить спокойствие – может, и выберешься на берег. Если это тебе удастся, беги к тому месту, где мы с тобой встретились, я принесу тебе одежду и оружие. Все понял?

– Все, – облизывая разбитую губу, сказал Харальд.

– Тогда снимите с него сапоги, – сказал Иаред подчиненным, а повернувшись к пленнику, добавил:

– А твой побег мы, если чего, не заметим, вечер уже, не видно ничего.

Харальд нашел силы судорожно кивнуть. С него сняли сапоги и подтащили к краю стены. Меж зубцов оказалось достаточно места, чтобы пропихнуть человека. Ров внизу маслянисто блестел, иногда доносился плеск, Вдалеке темнел лес, окутанный вечерним туманом.

– Ну что, удачи тебе, парень, – сказал сочувственно один из стражников, и в тот же миг Харальд ощутил, что летит.

Не успел испугаться, как ударился о воду. Она оказалась обжигающе холодной, и вот тут-то сердце и зашлось в запоздалом ужасе. Хотелось заорать во все горло, задергать руками и ногами, что есть сил. Закусив губу до боли, сумел сдержаться, позволив себе всплывать из темной глубины медленно и неподвижно, словно упавшее в ров бревно.

В один миг ощутил на лице ток воды и тут же сжался, ожидая нападения. Корчи побежали по всему телу, да еще болезненно хотелось вдохнуть. Чго-то большое и быстрое проплыло рядом и исчезло.

Голова пробила бликующую стену воды, и Харальд вновь увидел белый свет, гору замковой стены рядом, серое, слепое небо и спасительный берег, далеко, очень далеко. Грудь жадно работала, вбирая воздух, руки и ноги замерзли, но шевелиться было нельзя.

Работая кистями, он сумел лечь на воду, и в тот же миг что-то шершавое коснулось спины. Харальд замер, и на миг ему стало жарко. Что-то большое и темное, что он видел краем глаза, поднялось почти к самой поверхности, взметнулся над водой толстый змеиный хвост, и все стихло.

Сколько плыл, он и сам позже не смог вспомнить. Мир вокруг постепенно темнел, наливаясь ночными тенями, вода казалась все холоднее, а берег приближался все так же медленно. В горле стоял ком от постоянного ужаса, одолевала тошнота, и мускулы время от времени немели, отказываясь служить. Приходилось отдыхать. Чудовище рядом более не появлялось, но мощные плески, словно от очень крупной рыбины, доносились постоянно, заставляя пловца нервно вздрагивать.

Примерно за полсажени до берега Харальд не выдержал. Резким движением развернулся на живот и рванул к спасительной земле. Встал на ноги, по пояс в воде, и тут же плеск раздался прямо за спиной, очень близко.

Не помня себя от страха, бросился вперед, преодолевая сопротивление вдруг загустевшей воды. Берег осыпался под пальцами, ноги скользили, тело отяжелело мешком с мокрой шерстью, страх рвал душу на куски острыми когтями...

Судорожным скачком миновал границу воды и нашел силы обернуться. Всего в аршине позади, высунувшись изо рва, щерилась ужасная пасть, такая, что и в кошмарном сне не привидится. Широкая, круглая, полная острых треугольных зубов, она возвышалась памятником совершенному хищнику. Кроме пасти, ничего не было видно.

Харальд судорожно сглотнул, поняв, чего он избежал. Едва переставляя ноги, двинулся в сторону леса. Мокрая трава холодила босые ноги, и живот подводило от голода.

Глава 5

Магия – это технология, доведенная до совершенства.
Альберт Эйнштейн

Харальд измучился так, что заснул прямо на траве под раскидистой елью, не ощущая холода и сырости, правда проснулся оттого, что чихнул, когда капля, упавшая с ветки, попала в нос.

Над миром царила ночь, лишь на востоке занималось робкое белесое зарево. Лес молчал, ночные звери уже затаивались, дневные еще не проснулись. Дождь прекратился, но теплее не стало. Пережитое потрясение и холод сказывались дрожью во всем теле. Кости ломило, двигаться было тяжело, словно в мускулы залили свинец. Ковыляя, как древний старец, Харальд добрался до памятной тропки и двинулся по ней к назначенному месту.

Ему удалось на ходу согреться, но зато проснулся голод – живот бурчал и булькал, напоминая хозяину о том, что пора бы и подзакусить. Найденная сыроежка, рыжая, словно кусок лисьей шкуры, лишь разожгла аппетит.

Когда взошло солнце, Харальд сидел на поваленном стволе и отчаянно чихал. От громовых раскатов что-то болезненно хрустело в груди, отдавало в поясницу, из носа безостановочно текло. Чихнув в очередной раз, Харальд немало удивился, услышав вежливое пожелание.

– Будь здоров, – сказал Иаред, появляясь из-за поворота тропы. На поводу он вел двух лошадей.

– На каждый чих не наздравствуешься, – ответил Харальд гнусаво. Сердце радостно подпрыгнуло, когда он узнал своего жеребца. – А вторая лошадь зачем?

– Я сложил с себя обязанности капитана. – Иаред пожал плечами. – По состоянию здоровья.

– Что так? – Харальд не успел как следует удивиться, когда очередной чих согнул его в три погибели. Иаред улыбнулся:

– Денег за жизнь я заработал достаточно, чтобы осесть в Бабиле. Так что могу себе позволить уйти оттуда, где мне не нравится.

– Ага, – произнес Харальд глубокомысленно, пытаясь сдержать зуд в носу. – И куда теперь?

– Помогу тебе добраться до свободного города, а там посмотрим, – раздалось бульканье, и взору Харальда предстала большая фляга. – Выпей – полегчает.

Во фляге оказался ржаной самогон – напиток простонародья. От глотка глаза вылезли на лоб и выступили слезы. В носу мгновенно пересохло, а чихание прекратилось.

– Спа... ххх... сибо, – выдавил сквозь обожженное горло Харальд и тут же получил ломоть хлеба с салом – на закуску.

– Не за что, – Иаред снял со спины лошади сумку. – Одевайся, и поедем...

Вскоре Харальд оказался переодетым, обутым и сытым. Простуда отступила, спряталась куда-то вглубь, напоминая о себе лишь першением в горле и легким насморком.

– Поехали? – спросил Иаред, подходя к лошади.

– Поехали, – согласился Харальд. – Но я еще вернусь сюда.

– Зачем? – в темных глазах появилось изумление, – Не стоит.

– Отомстить. – Ненависть Харальд обнаружил в душе еще утром, и теперь, не замутненная телесными страданиями, она сияла ярко и ровно. Слова добавляли дров в ее костер, и говорить о мести оказалось легко и приятно. – Тем, кто пытался помешать мне стать магом. Владетелям, этим напыщенным глупцам, что не видят ничего, кроме собственной гордыни.

– Осторожнее. – Иаред даже отступил на шаг, настолько злым вдруг стало лицо Харальда. Голубые глаза заледенели, рот исказила жесткая усмешка. – Жажда мщения – опасная вещь, она отравляет душу и сгубила многих достойных людей! Не поддавайся ей!

– Нет! – Юноша прищурился, упрямо мотнул головой, – Я клянусь всеми демонами Нижнего мира и честью своего рода, что я стану магом, вопреки им всем, и тогда отомщу! Как равный – равным!

– Это очень опасная клятва, – Иаред покачал головой.

– Да, я знаю, – дернул головой Харальд. – И я иду на нее осознанно, и сам отвечу за последствия! Поехали!

Иаред молча вспрыгнул в седло. Копыта с чавканьем впечатались в липкую темную грязь, и путники двинулись на юго-запад. Лес шелестел вокруг них тысячами зеленых рук, а с запада надвигалась клубящаяся темно-сизая туча, несущая дождь.

Полог из темно-сизых облаков закрыл небо с самого утра. Но ничего не поделаешь – зима. С приходом первого снега, когда осенняя охота закончена и вдосталь еды, в племени нид отмечают свадьбы. Веселится и гуляет все племя, а мужчины меряются ловкостью и силой.

На мужскую забаву позвали и гостей. В стрельбе из лука даже Гуннар, слывущий среди наемников отличным стрелком, уступил местным. Зато в борьбе превзошел всех крепкий, кряжистый Торвальд. Под одобрительные крики толпы он вышвырнул главного местного силача с огороженного для боя пространства.

Харальду выпало доказывать мастерство в бое на палках. Поединщикам выдали по гладко оструганному посоху в сажень длиной. Дерево плотно легло в ладонь, но увидев, как тяжеленная деревяшка превратилась в туманное колесо над головой противника, Харальд испытал острый приступ нерешительности. Но из толпы зрителей смотрела Асенефа, и отступить было бы позором.

Первый удар он парировал только благодаря удаче. С глухим стуком соприкоснулись палки, и с холодком в позвоночнике Харальд понял, что противник бьет в полную силу, без жалости.

Сначала пытался отбиваться так же, как и воин нид, держа палку обеими руками за середину. Но ничего не получалось, и, схлопотав болезненный удар по плечу, Харальд разозлился и перехватил оружие за конец, превратив его в некое подобие двуручного меча.

Мир сузился до темной фигуры впереди и посоха в руках. Снег отчаянно визжал под подошвами, а дыхание обжигало губы.

В один миг Харальд ловко увернулся от тычка и, спружинив бедрами, нанес мощный удар по телу противника. Закрыться тот не успел. Раздайся сухой хруст, словно сломалась ветка, и все закончилось.

Сквозь глухоту, неожиданно залепившую уши, прорвался рев зрителей. Ошутив на плече руку, Харальд дернулся, едва сдержавшись, чтобы не ударить назад. Азарт боя неохотно уходил, растворялся дымом в низких облаках, оставляя на губах соленый привкус крови.

Завулон смотрел на гостя с нескрываемым изумлением.

– Если бы я знал, что ты так дерешься, то не допустил бы тебя, – смысл сказанного доходил до Харальда с трудом, словно после хорошего удара по голове, – Ты сломал противнику ребро!

– Я долго был наемником, – ответил Харальд хрипло. – И хорошо освоил искусство побеждать.

Он отшвырнул дубину и пошел в сторону становища, стараясь не слышать стонов раненого.

Ветер стонал оравой мучаемых похмельем демонов, когда двое путников въехали в пределы вольного города Бабиля. Неожиданно и властно пришла в город и окружающие его леса осень. От ее леденящего дыхания листья потихоньку желтели, светлое время укорачивалось, и почти каждый день шел дождь. Год минул с той поры, как Харальд покинул родной замок.

В «Спившемся демоне» обнаружился Хегни, веселый и довольный жизнью. Как выяснилось, на зиму он устроился в команду волчьих охотников. Платит им город, а они должны истреблять волков, которые в холодное время наглеют и лезут к жилью. В последние годы серых хищников расплодилось особенно много.

– Вот так, – закончил рассказ Хегни. – Работенка непыльная, но денежная, и считай, до весны. А ты как съездил?

– Не очень, – скривился Харальд – Зато вон с Иаредом познакомился.

– Да, вижу. – Хегни с плохо скрываемым обожанием глядел на пожилого воина. Так смотрит голозадый мальчонка на городового стражника, который в броне и с оружием кажется карапузу великим воином.

– Где Асир? – спросил Харальд, заканчивая затянувшуюся паузу.

– Где-то в городе, – Хегни провел рукой по волосам, пытаясь заставить непослушные пряди не топорщиться. – А что?

– Похоже, что у меня нет другого выбора, как воспользоваться вашим предложением.

– Это каким? – в круглых голубых глазах появилась настороженность.

– Вы с Асиром когда-то приглашали меня в дружину. Помнишь? – Харальд нахмурился.

– Было, – почесав подбородок, сказал Хегни. – Никаких вопросов. Завтра же пойдем к атаману.

– И я пойду с вами, – подал голос Иаред. – Ведь нужен третий поручитель, насколько я помню?

На лице Хегни обозначилась высшая степень изумления.

Все оказалось очень просто. Асир обрадовался, увидев Харальда, молча выслушал его и без слов кивнул, соглашаясь помочь. В большой дом на улице Оружейников – обиталище атамана, всю четверку пустили мгновенно, стоило привратнику увидеть Иареда.

Довольно пожилой, но еще бодрый атаман вскрикнул от радости и пригласил гостей за стол. Формальности были быстро исполнены, поручители принесли клятву. Харальд поклялся тоже. Вызвали цирюльника, и вскоре левое предплечье новичка украсили скрещенные меч и топор – знак Оружейной дружины.

Управились в один день, а вечером новоиспеченный наемник сидел в «Спившемся демоне», в соответствии с традицией угощая новых товарищей пивом. Большинство откровенно бандитского вида личностей были ему незнакомы, но обстановка царила самая теплая. Выпивка лилась рекой, стол быстро завалили обглоданными костями. Десятки луженых глоток дружно ревели, заставляя потолок вздрагивать равно от громкости и от содержания песен:

А что же у девочки этой, хей-хей!
Под юбкой находится, денег милей!

Харальд пел и пил вместе со всеми и в промежутках между тостами и песнями ухитрялся выспрашивать сидящего рядом Иареда об обычаях наемников.

– Все равны, и никто не выше остальных, – говорил седовласый воин, время от времени прихлебывая из кружки. – Атаман выбирается обычно из пожилых, из тех, кто более сам не может сражаться.

– А на что он живет и содержит дом? – пиво туманило голову, перекатывалось в животе теплым шаром, но соображал Харальд пока неплохо.

– Каждый дружинник, в том числе и ты, должен в год передать в казну дружины тридцать золотых монет. – Иаред поморщился, заслышав рыгающие звуки от входа. Там рвало кого-то из наиболее резвых любителей пива.

– А сколько всего дружин в городе? – Харальд ухватил с блюда скользкую от жира куриную ногу, принялся с жадностью грызть.

– Пять, – вновь поморщившись, ответил Иаред. – Все меж собой не в ладах, но до открытых стычек дело редко доходит.

– Угу. – Мясо застряло в горле, пришлось проталкивать его пивом. Солено-горькая волна прокатилась по гортани, ухнула в живот. – А к родовитым как относятся?

– Никак, – Хлыст пожал плечами. – Среди нас много родовитых, но этим никто не кичится и не брезгует. Вот у тебя сколько поколений предков?

– Тридцать, – ответил Харальд гордо.

– А у меня сорок три, – сказал Иаред просто, оставив собеседника с зависшей в воздухе кружкой.

Засеменил вокруг стола хозяин, а Харальд допил пиво и неожиданно обнаружил, что не может пошевелиться. Закружилась голова, щеку обожгло холодной и мокрой доской стола, на глаза опустилась тьма, пахнущая пивом и солью...

Тьма клубилась вокруг, мягкая, умиротворяющая. Шуршал за тонкими стенками снегопад, первый привет наступившей зимы, свистел, потрясая деревьями, ветер. Тьма пахла Асенефой, ее теплом, ее дыханием. Тонкий, ни с чем не сравнимый аромат щекотал Харальду ноздри, напоминая о том, что он в юрте не один.

Девушка пошевелилась, рука ее прошлась по груди Харальда, заставляя мускулы трепетать.

– У тебя были женщины до меня? – Голос дочери вождя показался неожиданно жалобным, как скуление новорожденного кутенка.

– Конечно, – Харальд улыбнулся и погладил девушку по волосам, мягким, как тополиный пух. – Я же нормальный мужчина.

– Это понятно, – Асенефа завозилась, вздохнула прерывисто. – Я имею в виду не просто женщин, а тех, которых ты любил. По-настоящему.

– Да, – ответ прозвучал скупо и достаточно резко.

Ведь любому мужчине, сколь-нибудь опытному, известно правило: не разговаривать с женщинами о прежних увлечениях. Каждый роман должен проходить под первым номером. Но дочь вождя племени нид не походила на обычных женщин, а об условностях, столь важных на юге, попросту не ведала. Она попросила напрямую:

– Расскажи, как ты с ней познакомился! Харальд ощутил, как в душе его поднимается буря.

– Нет, – ответил он. – Я расскажу лучше о такой женщине, с которой я не мог расстаться, хоть говорить об этом мне будет неприятно.

Неприятные ощущения, как всегда после попойки, сопровождали Харальда весь день. Болела голова, и почему-то преследовал запах прогорклого жира, казавшийся особенно отвратительным.

Пребывая в расслабленном состоянии духа, новоиспеченный наемник лежал в своей комнате, когда в дверь тихонько постучали. Негромкий звук отозвался в голове словно грохот горного обвала.

– Войдите, – поморщившись, сказал Харальд.

Дверь скрипнула, и в комнате оказался совсем молодой еще парнишка. Ясные голубые глаза, красная щегольская куртка. Харальду юнец показался смутно знакомым.

– Что надо? – Сесть удалось с некоторым трудом, но разговаривать лежа было бы неудобно.

– Я от атамана, – ответил юнец мягким тенорком, и тут Харальд вспомнил, где видел шустрого парня. – Он просит Харальда к себе. Есть работа.

Некоторое время Харальд тупо соображал, затем изумленно спросил:

– Работа? Для меня? Я в дружине один день!

– Для тебя, – посыльный пожал плечами, – Подробностей не знаю, но кто-то хочет нанять именно Харальда по прозвищу Маг.

На улице царил дождь, мелкий, колючий. Он лил непрерывно и проникал даже сквозь плащи. Харальду дождь был приятен, он холодил лицо и помогал сосредоточиться, но провожатый дрожал и что-то бурчал невнятно по поводу «мерзкой погоды».

Улица Оружейников оказалась пустынной. Сиротливо мокли красные черепичные крыши, из труб шел дым, серый, клочковатый, и почти сразу терялся в облаках.

Атаман принял Харальда радушно, усадил за стол, с понимающей усмешкой налил пива.

– Что, я так плохо выгляжу? – спросил Харальд, потягивая янтарный напиток.

– Не хуже, чем большинство после вступления в дружину, – вежливо ответил атаман. – Но перейдем к делу.

– Слушаю. – Харальд подобрался и отставил пиво.

– В городе появилась одна очень могущественная особа. – Атаман, казалось, пребывал в нерешительности. Он нервно потирал руки, а маленькие зеленые глаза над красными подушками щек блуждали. – И она хочет нанять телохранителя. Одного.

– Почему именно я? – неподдельно удивился Харальд.

– Не знаю, – ответил со вздохом атаман. – Но она спросила про тебя сразу же. Я предложил других, более опытных дружинников, но она настаивала. А Владетельницам не отказывают.

– Владетельницам? – Похмелье исчезло, спряталось, как тень в полдень. Харальд ощутил, как у него глаза лезут на лоб. – Разве есть женщины – Владетели?

– Есть, но только одна, – атаман огладил седую бороду, – Ее владения на северо-востоке, за землями Владетеля Олава. Они не столь велики, но ловкостью и коварством она ухитряется сохранять независимость.

– Вот как, – Харальд неожиданно разозлился. – И зачем ей я?

– Она говорит, что старого капитана стражи она выгнала, и нужен новый. Отправляйся к ней сегодня же, она живет на постоялом дворе «Полосатый кот», что у Северных ворот, – атаман улыбнулся, и в улыбке его оказалось столько же тепла, сколько бывает в куске льда. – И если застрянешь у нее надолго, то не забывай пересылать деньги. Забудешь – мы найдем способ тебе напомнить, даже у нее в замке на краю света.

Постоялый двор найти оказалось легко, огромный наглый котище на вывеске призывно изгибал спину, сообщая всей улице, носящей странное название Синюшная, что здесь за заведение.

Харальд вошел в общий зал, полный запахов лука и жареной рыбы, и сразу ощутил на себе профессиональный, оценивающий взгляд. Повертел головой и действительно обнаружил двоих мужчин, явно не производивших впечатления мастеровых или купцов. Острые глаза следили за каждым движением Харальда, наверняка уже оценив длину меча, пусть даже скрытого под плащом, и силу мускулов.

– Что угодно, господин? – подбежал хозяин, низенький и толстый, как барсук. Лысина его маслянисто блестела, а глаза, какие-то желтые, смотрели преданно, как у больной собаки.

– Мне нужна госпожа Хельга, – произнес Харальд, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Хозяин неуверенно поежился и воровато скосил глаза в сторону двух мужчин. Те встали и не спеша направились к беседующим.

– Что угодно от госпожи? – спросил первый, крепкий и кряжистый, с пронзительными голубыми глазами. Руку он откровенно держал на мече.

– Меня зовут Харальд.

Охранники с угрюмыми минами наблюдали за пришельцем, не сводя глаз с того места, где из-под плаща топорщился меч и из-под отвернувшегося рукава выглянула татуировка, сизая, словно от холода.

Хозяин предусмотрительно укрылся за их спинами.

Взгляд голубых глаз одного из охранников смягчился, но рук с оружия никто не убрал.

– Меня зовут Торвальд, – представился голубоглазый и кивнул напарнику:

– Сходи, доложи госпоже.

Проскрипела дверь, и в помещении воцарилась тишина, прерываемая лишь гулом огня в очаге. Торвальд стоял в расслабленной позе, но было видно – малейший повод, и меч его покинет ножны.

Вновь скрипнула дверь, и появился посыльный.

– Госпожа ждет тебя, Харальд, – проговорил он без улыбки. – Но меч ты должен отдать нам.

– Серьезно? – Харальд усмехнулся, изобразив на лице злобное удивление. – Может, мне еще и раздеться?

– Если она захочет – разденешься, – скучным голосом сказал Торвальд и пожал могучими плечами. – Отдавай меч.

– Не люблю я магов, – проворчал Харальд, отцепляя ножны. – И без оружия перед ней буду что голый!

– Ты же сам маг, как я слышал, – удивленно пробасил Торвальд. – И боишься? Кстати, нож из сапога тоже вынь.

– Потому и боюсь. – Нож, равно удобный как для метания, так и для ближнего боя, покинул уютное убежище за правым голенищем и перекочевал в руки второго охранника.

– Вот так-то лучше, – Торвальд оглядел обезоруженного гостя, словно скульптор – статую, и довольно засопел. – И не держи зла. Мы просто делаем свою работу.

– Ладно, – ответил Харальд, махнув рукой. Дверь поддалась давлению, открыв темный короткий проход, ведущий на лестницу. Пахло мышами, под ногами скрипели рассохшиеся доски «Владетельница – и живет в таком клоповнике?» – подумал Харальд, осторожно пробуя ногой ступени, которые казались прогнившими много лет назад.

Но лестница выдержала. Харальд добрался до второго этажа и обнаружил у широкой обитой темной тканью двери еще двоих охранников. Вид они имели свирепый, на незнакомца взглянули с яростью, демонстрируя готовность немедленно наброситься и убить.

Харальд улыбнулся и спросил:

– Так пропустите или драться придется?

– Иди уж, – неохотно пробурчал правый из головорезов и слегка стукнул в стену.

Дверь тотчас отворилась, и за ней оказалась молодая девушка в скромного покроя синем платье.

Держалась девица спокойно и уверенно. Стрельнула в Харальда васильковыми глазами, затем потупилась и произнесла мягким звучным голосом, выдавшим прирожденную певицу:

– Проходите, госпожа ждет вас.

Дернув шеей, Харальд последовал за служанкой. Дверь за гостем тихо закрылась, и он совершенно неожиданно оказался в роскошной комнате. Стены закрывали пышные гобелены со сценами битв, пол – настоящий ковер с Островов, играющий переплетениями бирюзового и зеленого, словно море. Такой ковер стоит целое состояние. В воздухе плавали ароматы благовоний, странных, незнакомых, от которых плыла и кружилась голова.

Едва Харальд успел преодолеть изумление, как послышался звук легких шагов, и глазам его предстала женщина, на этот раз без сомнений – сама Владетельница. Пораженный Харальд чуть не открыл рот of удивления, но вовремя сдержался. Фон Триз никогда не видел столь роскошно одетой дамы. Из родовитых имел счастье (или несчастье?) наблюдать только собственную сестру, а та особого внимания одежде не уделяла. Простые же женщины, которых встречал во время странствий, одеты были скромно А тут!

Темные блестящие волосы, перевитые зеленой лентой, лежачи поверх темно-синего платка, украшенного золотым шитьем. Платок непостижимым образом охватывала золотая диадема. Травяного цвета бархатное платье оттенялось бежевой накидкой с длинным шлейфом. На шее сияло ожерелье с бриллиантами, пальцы унизывали перстни с сапфирами разных оттенков. Зеленые миндалевидные глаза светились на узком лице.

Харальд ошеломленно моргнул и едва расслышал обращенные к нему слова:

– Что, так и будешь пялиться на меня, словно мужлан из дикой деревни? – Голос Владетельницы был ни высок, ни низок, он странным образом менял тембр, заставляя прислушиваться. Насмешка в нем звенела звонче стали. – Или никогда женщин не видел?

– Настолько красивых – никогда, – нашел Харальд силы ответить галантно.

– Молодец! – Хельга усмехнулась, показав ровные белые зубы. – Не стушевался, Харальд фон Триз по прозвищу Маг.

– Вы знаете мое настоящее имя? – изумился Харальд, хотя больше для вида.

– Ею узнать нетрудно. – Хозяйка повела рукой в сторону низкого столика красного дерева и двух скамеечек, скромно притулившихся в углу. – Присядем.

Харальд послушно уселся. В сидячем положении ему тут же захотелось спать. Мешал взгляд Владетельницы, острый, как иголка.

Некоторое время она пристально рассматривала гостя, так, словно копатась у него во внутренностях. Харальд ерзал и смущался, а зеленые глаза все шарили и шарили.

Наконец, явно удовлетворившись увиденным, Хельга отвела взор, и Харальд облегченно вздохнул. Но в тонких белых пальцах женщины почти сразу возникла и затрепетала крыльями страниц большая книга.

– Ты знаешь, что это? – перед Харальдом очутился разворот, украшенный замысловатым рисунком.

– Догадываюсь, – поморщился наемник. – Круг вызова, и скорее всего, для демона.

– Верно, – в зеленых глазах зажегся интерес. – И сейчас мы с тобой воспользуемся этим кругом, чтобы демона вызвать.

– Зачем? – Видеть жителя Нижнего мира, пребывая в похмельном состоянии, желания не было. Еще подведет ослабленный обильными возлияниями желудок, и тогда – прощай, выгодная работа.

– Ты знаешь, от чего погиб мой прежний капитан охраны? – Владетельница положила книгу и улыбнулась. От этой улыбки по спине Харальда пробежал озноб. Ответа Хельга, похоже, не ждала.

– Он умер от страха, увидев демона, хотя в жизни ничего не страшился. И мне нужен такой телохранитель, который бы не боялся магии.

– Поэтому вы и выбрали меня? – Харальд испытал нечто вроде разочарования, которое странным образом мешалось с облегчением.

– Да, – тонкие губы женщины вновь раздвинулись в хищной усмешке. – Среди наемников много бойцов лучше тебя, но слухи о парне по прозвищу Маг меня заинтересовали.

– А что, ходят слухи? – Харальд недоверчиво хмыкнул.

– Конечно. – Малахитовый взгляд отдавал насмешкой. – А ты как думал? Летом я была на юге, недалеко от тех мест, где ты освободил водянца. Так о тебе исключительно и болтали.

– Ну-ну, – только и смог сказать Харальд.

– Но мы отвлеклись, – Хельга слегка потянулась, отчего ее гибкое тело соблазнительно изогнулось, а крупная грудь проступила под платьем. – Пора приступать к ритуалу.

Она поднялась, Харальд поспешно вскочил, гадая, сколько же Владетельнице лет. Фигуре ее позавидует семнадцатилетняя девушка, но в поведении сквозит мудрость, свойственная зрелому возрасту.

– Лия, все ли готово? – повысив голос, спросила Хельга.

– Все готово, госпожа, – ответил из соседней комнаты мелодичный голос синеглазой служанки. Владетельница, похоже, сняла на постоялом дворе весь второй этаж.

– Отлично. – Следуя повелительному жесту, Харальд последовал за хозяйкой.

Эта комната выглядела гораздо беднее, скорее всего по причине отсутствия мебели. Из-за плотных малиновых штор на окнах царил полумрак. Его разгоняли только стоящие на небольшом алтаре черные свечи, девять штук. Алтарь, обитый черной тканью, возвышался посредине рисунка, который Харальд немного ранее видел в книге. Основу его составляли три концентрических круга, пространство между которыми густо покрывали надписи, выполненные Истинным Алфавитом. Внутренний круг включал в себя восьмиконечную звезду. Все это изобразили углем на дощатом полу.

От четырех курильниц, стоящих в углах, пахло препротивно, и Харальд невольно поморщился. Владетельница заметила это и сказала ядовито:

– Что, не нравится запашок? Это особое курение, для вызова демонов. В нем смешаны семена черного мака, кровь нетопыря и мозг черного кота.

– Не может быть, – ответил Харальд, борясь с тошнотой.

– Именно так, – кивнула Хельга, подходя к алтарю. – Не медли, войди в круг и встань рядом с Лией.

Послушавшись, Харальд оказался за спиной Владетельницы. Стояли все трое лицом к северу. С этого места удалось разглядеть малый круг и внутри него миску с какой-то жидкостью, темной и блестящей.

– Это кровь, – шепнула Лия, заметив его интерес.

Харальд машинально кивнул и тут же замер на месте, скованный голосом Хельги. Маг-одиночка, он ранее не слышал, как читают заклинания другие, и теперь обмирал от ужаса, слыша из уст женщины резкие, жесткие, властные слова, от которых бросало то в жар, то в холод.

Владетельница говорила медленно, тщательно выговаривая каждое слово, и голос ее стал совсем иным, чем был ранее, во время светской беседы. Казалось, некто другой вещает через нее.

Дым от курильниц потек тяжелыми струями, прижимаясь к земле, и вскоре рисунок скрыла сплошная серая пелена, люди стояли по колено в густом и очень противно пахнущем дурмане. Харальд ощущал себя среди гниющих отбросов. Исключительным напряжением воли удавалось удерживать в подчинении желудок, окончательно расстроенный происходящими непотребствами, и голову, которой вздумалось вдруг закружиться.

Сквозь туман хорошо видна была только плошка с кровью. Жидкость оставалась такой же темной, но словно слегка светилась, и в один миг Харальд понял, что не может оторвать от нее глаз.

Унимая тошноту, смотрел, как похожая на большой глаз поверхность светлеет, наливается живым пульсирующим серебром. Затем кровь потемнела, да так резко, что Харальд решил, будто ослеп. В панике, с неимоверным напряжением поднял глаза и вздохнул с облегчением: рядом статуей замерла гЛия, Хельга все так же стояла у алтаря.

Крик хлестнул по ушам. Владетельница призывала кого-то, простирая руки к малому кругу, и с ладоней ее, как на миг показалось, слетало что-то серое, будто маленькие стремительные птицы.

Раздался глухой удар. Дом сотрясся от крыши до фундамента, и Харальд в панике принялся озираться, ожидая увидеть трескающиеся от землетрясения стены. Но они стояли и не думали разрушаться.

В лицо ударил ледяной ветер. Харальд на миг зажмурился, оберегая глаза, а когда обрел способность видеть, то увидел над малым кругом, над миской с кровью – висящего вызванного демона.

Изучая книги, еще в родном замке, молодой фон Триз, конечно, видел гравюры. Но они не шли ни в какое сравнение с реальностью. В этот миг Харальд хорошо понял погибшего от страха наемника. Сердце в один миг замерло, словно сдавленное безжалостной лапой, ноги сделались ватными, а волосы попытались встать дыбом. Помешал разве что ремешок, стягивающий их в хвост.

Тварь, пришедшая из Нижнего мира, оказалась не просто ужасна, она оказалась омерзительна. Рассудок отказался понимать происходящее и скрылся в панике, тошнота, испуганно взвизгнув, исчезла, и Харальд остался один на один с демоном.

Тяжелой тушей нависая над миской с кровью, в воздухе покачивалось создание, очень отдаленно сходное с человеком. Две руки, две ноги, голова – вот и все подобие. Остальное оказалось иным. Вместо кожи шевелился алый покров из толстых червей, отвратительно жирных и склизких на вид. Покров скрывал тело очень густо, мешая разглядеть признаки пола, но про себя Харальд решил, что демон – он. Ноги, короткие и выгнутые назад, как у кузнечика, заканчивались перепончатыми лапами, позаимствованными у лягушки, если, конечно, бывают лягушки в сажень ростом. На перепонках алый цвет переходил в оранжевый. Передние лапы, длинные и голые, без червячного покрова, более всего походили на человечьи, лишь когти, гонкие и изогнутые, как серпы, портили впечатление.

Но более всего поразила Харальда голова. Маленькая и круглая, она сидела на гибкой шее длиной в аршин и более всего напоминала крысиную. Злобно смотрели фиолетовые глаза, в ладонь каждая, пасть под черной пуговкой носа щерилась треугольными зубищами.

Демон выглядел очень недовольным. Едва появившись, он негромко, но весьма выразительно заревел и уставил горящие глаза на Хельгу. Та, судя по всему, не испугалась, и демон заговорил. Голос его, вопреки ожиданиям, оказался мягким и приятным. Нормальный мужской баритон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.